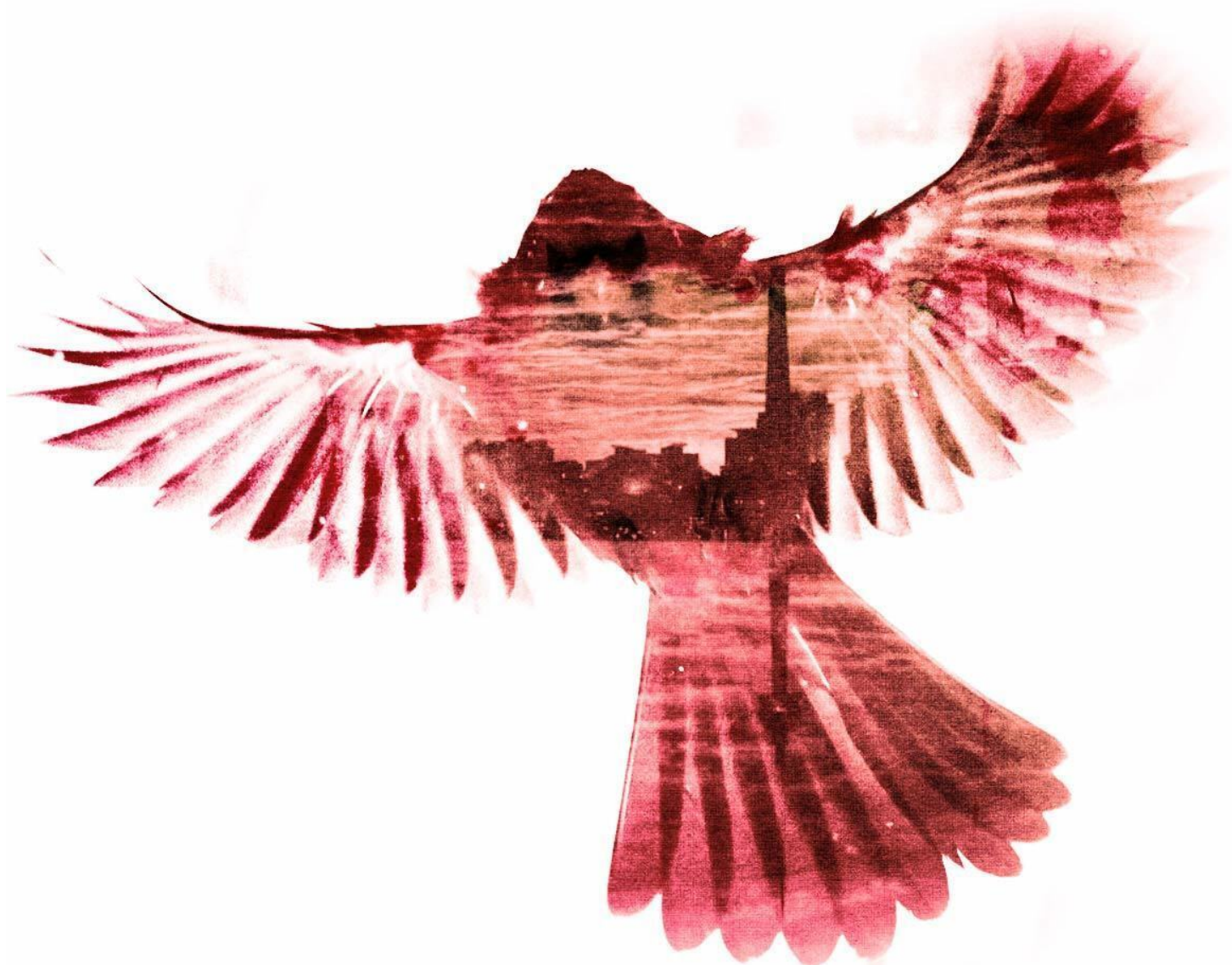

Влада Ольховская

КРАСНЫЙ КАРДИНАЛ

Знак Близнецов

Влада Ольховская
Красный кардинал

«Влада Ольховская »

2020

Ольховская В.

Красный кардинал / В. Ольховская — «Влада Ольховская »,
2020 — (Знак Близнецов)

Время самых страшных преступлений – ночь, ведь так? Оказывается, не всегда. Утром в городском парке, полном людей, убивают няньку и похищают ее трехлетнюю воспитанницу. Никто ничего не видел, не знает, а времени остается все меньше, ведь из-за особенностей здоровья девочка может погибнуть в любой момент. Вот только требований о выкупе нет, как нет и указаний на похитителя малышки. Дело доверяют следователю Яну Эйлеру и его напарнице – полицейской из Австралии, чье присутствие удивляет всех, кроме Яна. Но даже этой странной паре может оказаться не по силам преступление, в котором все пошло не так с самого начала.

© Ольховская В., 2020

© Влада Ольховская , 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Влада Ольховская

Красный кардинал

Красный кардинал – одна из самых популярных птиц в США, символ нескольких штатов. Долгие годы желающие получить его красоту и прекрасный голос в личное распоряжение отлавливали кардиналов и держали в клетках. Но птицы не терпят неволю, и сегодня поимка, удержание в клетке и убийство красного кардинала караются по закону – крупным штрафом или тюремным заключением.

Пролог

Тело лежало поперек узкой дорожки, затерянной среди моря пожухшей травы. Оно казалось ярким пятном, слишком неуместным, почти вызывающим на фоне землистых оттенков осени. Контраст был настолько велик, что Инга невольно, не успев даже осознать, что происходит, вывернула руль и ударила по тормозам.

Это оказалось не лучшей идеей. У нее был отличный велосипед, горный, с легкостью переносивший бездорожье, но к таким бездарным маневрам оказался не подготовлен даже он. Широкие шины скользнули по влажной земле, Инга потеряла равновесие и повалилась в лужу.

Она много лет не падала с велосипеда, а с этого, нового, вообще никогда. Она была уверена, что уже никогда и не упадет! Инга знала, почему это произошло, знала, какую ошибку допустила, однако винить себя за нее не могла. Если бы ситуация повторилась, она бы сделала то же самое. Даже оказаться в ледяной луже было не так страшно, как наехать на человеческое тело и снова упасть – но уже на него.

А ведь день начинался так приятно, так мирно! У нее впервые за несколько недель выдался выходной, и то, что он выпал на будний день, ее совершенно не смущало. Да она только радовалась! Инга работала продавцом, она устала от бесконечной смены новых лиц, от сотен голосов, от необходимости всем и всегда улыбаться. Она хотела одиночества, чтобы была только она и движение ветра в волосах, а людей рядом – как можно меньше. Да и тем ей не обязательно улыбаться, они не будут на нее смотреть и ждать чего-то!

Инга не просто поехала в парк, она свернула на самые отдаленные, мало кому известные дорожки. Она не чувствовала никакой тревоги, она уже не раз здесь бывала, знала каждый поворот. Это позволяло ей оглядываться по сторонам, наслаждаясь великолепием осени даже в такой пасмурный день, как сегодня.

А потом она повернула на эту дорожку и увидела то, что до этого скрывали от нее старые яблони и пышные кусты шиповника.

Тело. Настоящий человек – но вместе с тем уже не человек. Люди ведь даже если ложатся, делают это по-другому, в позе есть осознанность, предсказуемые движения, удобство. Но тело на дорожке просто... просто валялось. Как забытая кем-то кукла – или, может быть, выброшенная намеренно.

В первые несколько секунд шок оказался настолько велик, что Инга была неспособна воспринимать информацию. Она видела перед собой тело в невыносимо ярком пальто и чувствовала – человек мертв. Только это и занимало все ее мысли, парализовывало ее, не давало подняться из холодной мутной воды.

Человек мертв, мертв... Здесь только я и мертвец! Или, может, тот, кто его убил? Боже, нужно бежать!

Однако у нее даже бежать не получалось, не сразу. Инга понятия не имела, сколько времени прошло, прежде чем ее тело снова начало чувствовать холод и боль от травмированного при падении колена, а разум попытался придать увиденному хоть какой-то смысл.

Это не просто тело. Это женщина. Немыслимое пальто, ноги в колготках, туфли на невысоком, удобном каблучке, на подошвах – земля и сухие листья. Она пришла сюда сама, совсем как Инга! И уже здесь была убита... Это заставило Ингу подскочить на ноги и испуганно оглянуться по сторонам.

Но день в городском парке продолжал быть спокойным, насмешливо мирным. Если бы кто-то по-прежнему таился поблизости и хотел напасть, он давно уже сделал бы это. Нет, Инга была одна... Она снова перевела взгляд на покойницу.

За свою жизнь Инга посмотрела немало детективных сериалов. Она знала, что в парках обычно нападают на молодых стройных девушек – таких, как она! Но мертвая женщина

была совсем другой: полной, с седыми волосами, сейчас разметавшимися бело-серыми прядями вокруг головы. Неподалеку валялась расстегнутая сумка – большая, из дешевого кожзама, который ныне принято называть экокожей. В траве проглядывали еще какие-то вещи. На черной земле возле тела можно было разглядеть мокрое пятно, темное, но другого оттенка, отличающееся от дорожки.

«Кровь, – догадалась Инга. – Господи, да это же кровь!»

Ей нужно было что-то сделать. Она это понимала. Да хотя бы подойти к женщине и убедиться, что та точно мертва! Что если на нее напали, но она выжила и теперь умирает тут из-за чужого бездействия?! Инга сделала шаг к ней, однако тут же остановилась.

Она сумела разглядеть под пеленой спутанных прядей лицо покойницы – и ее раскрытые глаза. Давно уже раскрытые. По одному глазу ползала сонная осенняя мушка. Инга почувствовала, как желудок сжался в болезненном спазме.

Значит, помогать уже поздно. Она вообще не хотела впускать в свою жизнь такой кошмар! Зачем, зачем она свернула в эту глушь?! Каталась бы себе по центральной велодорожке, как все, дура!

А может, еще не поздно это исправить?.. Что если поднять велосипед и уехать прямо сейчас, оставив эту старуху в грязи? Не Инга виновата в том, что с ней случилось, почему она должна страдать?

Где-то неподалеку, за завесой деревьев, зазвучали голоса. Обычные человеческие голоса, мирный разговор людей, прогуливающихся по парку. Это словно разбудило Ингу, вывело из оцепенения. Нелепые и злые мысли о побеге исчезли, и она знала, что потом ей будет стыдно до слез. Но сейчас она должна была действовать.

– Эй! – крикнула она. – Кто-нибудь! Сюда, помогите! Помогите ей, здесь женщина, ей плохо!

Она прекрасно понимала, что женщине не плохо. Женщина мертва, и ей уже все равно. Но произнести это вслух у нее не получалось.

Сырой осенний воздух с готовностью подхватил ее жалобный голос и разнес далеко по парку. Ингу услышали: очень скоро рядом с ней появилась молодая пара, те самые голоса, которые она уловила. Позже прибежал собачник, выгуливающий бодрого и не очень послушного далматинца, потом – еще два велосипедиста.

Эти люди были совсем не похожи на Ингу. Они точно знали, что нужно делать. Кто-то из них подошел к телу и уверенно, почти профессионально проверил пульс на шее, кто-то принялся звонить в полицию. Ингу оттеснили в сторону, она была не нужна. Она подняла свой велосипед из грязи и откатила его в траву, освобождая дорожку.

Ей было холодно, больно и страшно. Все еще хотелось уехать, но она знала, что уже не решится. Она была важной свидетельницей, первой, кто обнаружил труп. Полиции это может понадобиться, хотя Инга не представляла, что скажет им – что тут вообще можно сказать!

Оказавшись в стороне от мертвого тела, она увидела еще одно пятно, совсем маленькое и почти незаметное среди травы. Инге пришлось приблизиться к нему, чтобы рассмотреть, что это такое.

В нескольких шагах от нее лежал плюшевый розовый заяц, уже промокший и от этого особенно несчастный. Игрушка совсем небольшая и не новая: было заметно, что он давно принадлежал какому-то ребенку. И ребенок любил его, таскал с собой повсюду, кормил своей едой и засыпал с ним в обнимку. От этого мех зайца потерялся и покрылся небольшими пятнами, но остался мягким и пушистым.

Такую игрушку не бросают просто так среди травы. Ребенок никогда не оставил бы своего лучшего друга, он, даже уронив зайца, рвался бы обратно к нему. Но Инга, оглядевшись по сторонам, никакого ребенка не увидела.

И от этого стало еще страшнее, потому что плюшевый заяц лежал шагах в пяти от мертвого тела.

Глава 1

Она переехала в его квартиру. Это казалось самым логичным вариантом, единственно правильным для близнецов. Поэтому, когда Ян предложил его, Александра сразу же согласилась.

Ян понимал, что, предложи он это своей старшей сестре, Нине, та начала бы смущенно отказываться, рассказывать, что она не хочет его притеснять, что они, в конце концов, взрослые мужчина и женщина – что подумают люди!

Но Александре было абсолютно все равно, что подумают люди, и всегда так было. Она понимала, что после четырнадцати лет пустоты, незнания и холодного, почти мертвого одиночества он первым не выдержит, если она исчезнет. Если уж она чудесным образом вернулась в его жизнь, Яну нужно было поверить в это, ведь иначе все снова предстало бы неясной смесью сна и галлюцинации.

Поэтому Александра приняла его приглашение и поселилась с ним. Двухкомнатная квартира позволяла каждому получить свой уголок, но они все равно были рядом, слышали, чувствовали, совсем как раньше. Как будто и не было этого кошмара длиной в целую жизнь!

Воссоединиться с ней оказалось куда легче, чем он ожидал, и Ян каждый день благодарил за это судьбу. Он прекрасно понимал, что для его старших брата и сестры все будет куда сложнее. Для них Александра была чужим человеком, только что шагнувшим из могилы, совсем незнакомым, а потому настораживающим. Им требовалось время, – и немало времени! – чтобы поверить: это действительно она. Потерянная и найденная.

Он от таких сомнений не страдал. Он *чувствовал*, что это она, совсем как раньше. Вновь объединиться им оказалось так же легко, как четырнадцать лет назад. Два фрагмента мозаики с годами не начинают подходить друг другу хуже, два магнита не теряют притяжение. Они мало что знали о прошлом друг друга – да почти ничего! Но близнецам, как ни странно, было важно совсем не это. Ян видел, что они на одной волне – как и раньше. Они думали одинаково, их вкусы совпадали во всем, у них были если не одинаковые, то похожие мнения, убеждения, ценности. Общая основа! И это было гораздо важнее, чем все остальное.

Ему было комфортно жить под одной крышей с сестрой. Они никогда не договаривались, кто будет выполнять обязанности по дому, все получалось само собой. Александра могла приготовить завтрак, он – убрать кухню, и в этой очаровательно скучной рутине возникало чувство, что всегда так было.

Александра, естественно, переехала к нему с собакой. Иначе и быть не могло. Впервые увидев их вместе, Ян сразу понял: эти двое не расстанутся без острой необходимости. Огромный зверь не нуждался ни в поводке, ни в наморднике, он подчинился хрупкой девушке, которая вряд ли сумела бы удержать его силой, добровольно.

Пес был удивительно красивый, этого не отнять. Крупный – в холке не меньше семидесяти сантиметров, а в длину, если оценивать от носа до кончика длинного пушистого хвоста, значительно больше метра будет. У животного была великолепная стать, напоминавшая о чистокровной русской гончей: плавные линии тела, длинные сильные лапы. На мощной шее красовалась крупная голова с квадратной мордой и небольшими стоячими ушами, обрамленными более длинным мехом, чем на лбу и затылке. Шкура у пса была роскошной, ухоженной, рыжий со светлыми подпалинами мех блестел и особенно сильно пушился на хвосте. Единственным заметным недостатком была хромота на переднюю правую лапу, которая, впрочем, несколько не мешала псу двигаться.

От Александры Ян узнал, что пса зовут Гайя и ему четыре года. Вначале он был убежден, что имеет дело с дворнягой, а потом только присмотрелся повнимательней. Дворняги, во всем своем разнообразии, имели одну общую черту: легкий изъян, указывающий на скрещи-

вание разных видов. Этот изъян, как ни парадоксально, мог быть красивым, или забавным, или отталкивающим. Но он все равно был – знак несовершенства. Гайя же, во всей непривычности своей внешности, был идеальным творением природы, каждая его черта гармонировала со всеми остальными, а так обычно бывает, когда речь идет о полноценном виде, сформировавшемся столетиями.

Поэтому Ян решился спросить напрямую:

– Слушай, а Гайя – он какой породы?

– Динго.

– Ты шутишь?..

– Нет.

Он все равно не поверил ей на слово, полез проверять в интернет и убедился, что Александра не пытается его обмануть. В его квартире действительно была та самая дикая собака динго, о которой многие слышали, но мало кто представлял, как она выглядит. Яну всегда казалось, что эти животные должны быть больше похожими на волка, откровенно хищными, раз уж они веками жили вдали от людей.

Но Гайя выглядел именно собакой, в нем не было ничего волчьего или шакальего. Правда, он совсем не лаял, и это в какой-то момент поставило Яна в тупик. Он ведь слышал собачий лай, шел на этот звук, когда нужно было выбраться из горящего дома! Но все оказалось просто: лаял не Гайя, лаяли *на* Гайю. Появление дикого пса перебудило собак в дачном поселке, их голоса слились в один, так Яну показалось из-за шума пожара. Сам же Гайя, как и все динго, был способен только выть по-волчьи, но еще ни разу этого не делал.

Пес был потрясающе умен. Он понимал команды на русском и английском языках – которые, впрочем, Александра сделала очень похожими, пренебрегая традициями и правилами грамматики. «Сидеть» и *sit*. «Стоять» и *stay*. Так можно было выдрессировать многих собак. Гораздо больше Яна впечатлило то, что Гайя был обучен понимать команды, отданные жестами. Это уже было навыками служебной, а не просто дрессированной собаки.

– Как ты вообще его заполучила? – не выдержал Ян. – В интернете написано, что динго не приручаются человеком!

– А кто тебе сказал, что я приручила *его*?

– Какие еще варианты?

– Гайя – дух равнин и проводник в мир мертвых, – невозмутимо заявила Александра. – Это все, что тебе пока нужно знать о нем.

– Да уж... Исчерпывающая характеристика!

Впрочем, дух равнин и проводник мертвых любил гулять, как любой другой пес. Он отправлялся на прогулки с близнецами, а позже Яну была доверена честь самостоятельно выводить его на улицу. Спустя пару недель проживания под одной крышей пес перестал подозрительно коситься на Яна и даже иногда, под настроение, выполнял отданные им команды. Александру это, кажется, радовало.

– Мы ведь когда-то хотели собаку, – улыбалась она. – До того, как стали их бояться. И вот собака у нас есть.

– Мы предполагали, что это будет просто хороший мальчик, а не проводник мертвых душ!

– Одно другому не мешает.

Так что их настоящее было гармоничным и безоблачным. А вот их прошлое... Оно маячило за спиной ядовитыми туманами: зайдешь на их территорию надолго – и уже не выйдешь. Они душат, лишают сил, они убивают медленно и беспощадно... Но и забыть о них нельзя, это было бы слишком наивно.

Александра уже знала о его прошлом все. Рассказать ей было несложно, потому что Яну нечего было скрывать. Она знала о его успехах и поражениях, знала имена всех его коллег, друзей и даже любовниц.

А вот она не спешила откровенничать, и ему было известно немногим больше, чем Нине и Павлу.

Александра действительно укатила в США, чтобы избавиться от сокрушительного, беспросветного давления отца. Она не хотела жить так, как нравится ему. Она была упрямой, и если она ставила перед собой цель, отступать она не собиралась. Она не предупредила брата только потому, что не хотела ему вредить.

– У тебя-то как раз было здесь нормальное будущее, – пояснила Александра. – Тебе отец не мешал, ты отлично учился. Я решила, что не имею права заставлять тебя бросать все это и бежать со мной.

– Ты должна была спросить, а не решать за меня.

– Ты прав... Прости. Если бы все можно было переиграть, я бы задала тебе вопрос. Но я бы все равно сбежала, с тобой или без тебя. Ты знаешь, что я не могла остановиться на этом пути.

– Я знаю. Я бы на твоём месте тоже не смог.

Она и мысли не допускала о том, что может не вернуться. Её план был сложен в исполнении, но прост по своей сути: рано или поздно поступить в полицейскую академию и тоже стать следователем, как Ян. Они и правда были одинаковыми, поэтому делили одни мечты на двоих.

Но когда она только перебралась в Америку, ни о какой академии не приходилось и мечтать. Александра знала, что так будет, и была готова к трудностям. Она начала работать официанткой в небольшом ресторанчике, подружилась с другими девочками-иммигрантками и наслаждалась жизнью. Она никогда ничего не боялась, и однажды это её подвело.

Её и нескольких других девушек похитили по дороге домой из клуба. Все оказалось до смешного просто: остановился большой чёрный фургон без окон, их, ошалевших, немного пьяных и не способных бежать из-за высоченных каблучков, затолкали внутрь. Александра была единственной, кто попытался сопротивляться, остальные замерли, как перепуганные мышки. Да и её это ни к чему хорошему не привело: только получила синяк на пол-лица и разбитую губу.

Их выбрали не случайно, это она поняла уже потом. Такие, как они, были основными жертвами похитителей. Красивые молодые девушки, приехавшие в Штаты самостоятельно. Без родных, без друзей среди местных – без прав и привилегий. Их забирали, потому что знали: никто не будет их искать. То есть, в розыск кто-нибудь подаст, и то если повезет, но никто не будет по-настоящему сражаться за них, каждый день беспокоить звонками полицию, развешивать объявления на стенах. Среди всех, кого видела рядом с собой Александра сразу после похищения и позже, не было ни одной американки.

Похитители использовали ещё и то, что в США не идеально налажено расследование преступлений, совершенных в разных штатах. Похищенных девушек попросту перевозили через внутреннюю границу туда, где они никогда не жили и никто их не знал. Это значительно усложняло задачу полиции.

Так Александра оказалась в борделе, где провела два долгих года. Об этом она говорила сухо, без эмоций, но никогда не вдавалась в подробности. Ян не задавал ей вопросов. Он и так мог догадаться, что случилось дальше, а знать наверняка не хотел. Нет, Александра, возможно, и выдержала бы рассказ – но он не выдержал бы, и сестра об этом знала. Чувство вины готово было сожрать Яна изнутри.

Он должен был помочь ей. Защитить! Но он не смог... Почему не смог – это уже не важно. В конечном счете имеет значение только то, что ты сделал или не сделал. Оправдания никому не нужны.

Он не сделал. Не был с ней, не уберег, позволил ей пройти через это. Теперь ему нужно было научиться жить с новым знанием о мире. Ян осознал, что рано или поздно ему придется услышать все – это лучше, чем неизвестность. Но позже, когда он будет готов... Он не сомневался и в том, что Александра все расскажет только ему, Павел и Нина так и не узнают всю правду.

Пока же он выяснил, что из борделя, в который попала Александра, никто никогда не освобождался живым. Из других подобных заведений рабынь иногда выкупали особо щедрые клиенты – хотя это не было освобождением, это, скорее, было смертью в других условиях. Но владельцы борделя, в котором оказалась она, были очень осторожны. Они знали, что даже алчность нужно контролировать. Лучше получить чуть меньше, но остаться на плаву, чем отпустить живое доказательство своей вины и попасться в руки федералам!

Александра все это прекрасно понимала, но все равно не сдалась. Она надеялась сбежать оттуда, и эта надежда давала ей сил, исцеляла от безумия и апатии, которые со временем поразили других девушек. Она не надеялась на что-то конкретное, она просто помнила: до тех пор, пока она жива, у нее есть шанс вырваться на свободу. Вот и все, что она сказала Яну – сейчас. Но по ее глазам Ян видел, что в этих двух годах скрыто нечто большее, настолько ужасное, что он никогда не представит это, если она не объяснит.

Через два года бордель взяли штурмом федеральные власти. Многие девушки тогда погибли – потому что им не повезло или потому что им уже было все равно. Но Александра осталась в живых.

Это не значит, что она почувствовала себя свободной. Первое время, попав в больницу, она ни с кем не разговаривала и все ждала подвоха. Ей казалось, что это не по-настоящему, за ней вот-вот придут похитители и уволокут ее обратно в клетку.

Она притворилась, что не помнит ни свое имя, ни свою семью. Почему? Да она просто боялась за них! Даже тогда, в тех жутких условиях ей хотелось защитить своих близких. Ей два года твердили, что, если она посмеет сбежать, ее найдут и вырежут вместе со всей семьей. Александра поверила этому – вынуждена была поверить. Она слишком много видела.

Ей казалось, что она сходит с ума, что нормальной жизни для нее просто нет. Возможно, ее история тоже закончилась бы печально, если бы ее не взял под крыло один из агентов, проводивших штурм. Это было больше, чем нейтральная, безликая забота, которую получали в больнице все спасенные девушки. У Александры появился человек, который искренне интересовался ею и хотел ей помочь. Когда она выздоровела, он забрал ее из больницы в свой дом. Вскоре он стал ее мужем.

– Он ни к чему меня не принуждал, – подчеркнула Александра. – Но в этом и суть после всего, что уже было. Он, по-моему, даже боялся ко мне приближаться, когда ему хотелось. Он не знал, как подступить ко мне! Это все равно что желать обнять человека, с ног до головы покрытого ожогами. Сначала он был уверен, что не заинтересует меня, и помогал мне как друг, бескорыстно, даже не намекая, что я должна ему что-то. Когда я убедила его, что между нами возможно нечто большее, он практически сразу сделал мне предложение – он хотел, чтобы все было официально, чтобы я вошла в его дом на правах жены. Я знаю, что многие друзья тогда не поняли его, решили, что он «потерял голову на старости лет». Он не был старым, ты не подумай, хотя и намного старше меня. Мне это было не важно. Важно только, что он меня любил. После двух лет в аду я от этого отвыкла.

Специального агента, который спас Александру жизнь, звали Эрик Моррис. Он раньше не был женат – он всего себя посвятил службе и добился значительных успехов. Он и не рвался к теплу домашнего очага, у него никогда не было цели обзавестись степенной супругой и наплодить детишек. Он мог бы оставить Александру при себе любовницей, но он слишком уважал ее для этого. У всего, что он сделал, не было иной причины, кроме любви, и Ян понимал, что он навсегда останется в неоплатном долгу перед неизвестным ему американцем.

Заботами Эрика Александра медленно, но верно оттаивала. Чтобы ей было проще, он перевез ее в другой штат, туда, где ничего не знали о ее прошлом. За это время она научилась говорить на безупречном английском – без малейшего акцента. Так что после свадьбы она представлялась всем Сандрой Моррис, никому и в голову не пришло бы, что она из России.

Потребовалось несколько лет, чтобы она снова почувствовала себя живой и настоящей. Вот тогда Александра заинтересовалась семьей, позволила себе робкую надежду на воссоединение. По ее просьбе Эрик выяснил, как повела себя ее семья после ее исчезновения, как ее искали, ищут ли до сих пор. И Александра обнаружила, что она, оказывается, давно уже мертва. Ее похоронили, забыли, жизнь пошла своим чередом.

Ян знал, что так будет. Ей должно быть все известно, раз она нашла его сама... Ну а в том, что случилось, нет его вины. Он ничего не решал, его даже не подпустили к телу! Но это снова был тот случай, когда оправдания не нужны и бесполезны. Когда он думал о том, что должна была пережить Александра после этой новости, он чувствовал ее боль. А ведь четырнадцать лет назад ему и в голову не пришло, что нужно ее разыскивать! Он скучал по ней, он не жил по-настоящему, но он не искал, бесполезно отрицать это.

Александра решила, что, раз она не нужна дома, то и возвращаться нет смысла. К тому времени ее муж сменил работу: он стал преподавать боевую подготовку, писать книги. Сначала он работал в США, а потом поступило приглашение из Австралии, куда переехали многие его друзья, ныне занимавшие очень высокие посты. Эрик решил, что молодой жене будет полезна смена обстановки, и согласился.

Так семейство Моррисов переехало в Австралию, где они жили до самой смерти Эрика. Ян знал этого человека только по короткому рассказу сестры – но даже этого было достаточно, чтобы понять, что специальный агент Моррис был из особой породы. Из тех, кто сражается до конца – и до последнего остается на ногах. Увы, этого не хватило, чтобы победить рак, и последним успехом Эрика стало то, что перед смертью он подготовил все условия для спокойной и безбедной жизни молодой супруги.

Вот только про деньги Александра тогда думала меньше всего, она вновь осталась совсем одна. Да, ее положение было не таким бедственным, как раньше. Но она этого не замечала, мир вокруг нее кружился и рассыпался на осколки. О том, что было в эти годы, она молчала так же решительно, как о времени, проведенном в рабстве. Ян не настаивал, он дал ей право самой определить, когда и что ему говорить.

И вот наконец она приняла решение все-таки найти свою семью, раз больше у нее никого не осталось.

Александра была уверена, что готова к этому. Она прилетела в Москву – впервые с того момента, как почти девчонкой удрала в США. Несколько дней она приходила в себя и по крупице собирала сведения о своих родственниках. То, что как Александра Эйлер она мертва, заботило ее меньше всего. У нее были действующие документы на имя Сандры Моррис и двойное гражданство, которое ее вполне устраивало. Дело ведь не в деньгах и не в документах!

Начать она решила со встречи с Яном. Иначе и быть не могло: он был ее половиной, им нужно было воссоединиться, и уже тогда, вдвоем, они справились бы с чем угодно. Но то, что красиво звучало на словах, на деле оказалось колоссальным стрессом для них обоих. Не только Ян был поражен, увидев ее. Александра, впервые встретившись с ним, посмотрев ему в глаза, оцепенела. Она поняла, что допустила ошибку, и поспешила уйти, потому что ей больше ничего не оставалось.

Однако она продолжила наблюдать. Она ездила за Яном по городу, она часто бывала возле его дома, она знала, где живет Алиса, и догадывалась, какие отношения между этими двумя. Она чуть не попала к нему в торговом центре – и с ужасом наблюдала, как его сбила машина. Тогда все обошлось, но Александра поняла, что ей нужно как можно скорее преодолеть собственный страх, иначе станет только хуже.

Вот только встретиться с Яном наедине после того случая было не так-то просто. Он с головой ушел в расследование, а ей оставалось лишь наблюдать за ним, готовясь подстраховать, если придется.

Это она умела – и не только как сестра-близнец, понимающая его мышление. Ее покойный муж был одним из лучших инструкторов ФБР, настолько талантливым, что его уговорили преподавать в другой стране. Естественно, он тренировал ее! Иначе и быть не могло, это стало важным этапом ее восстановления. Чтобы жить полноценной жизнью, Александре нужно было стать сильной, обрести способность постоять за себя. Поэтому сначала ее обучал только муж. А уже потом, в Австралии, она официально получила то, о чем так долго мечтала – полицейское образование.

– Так что я коп, да, – широко улыбнулась Александра. – Когда я следила за тобой, это было не просто наблюдение в духе «О, вот и Ян, интересно, что он затеял?» Я понимала твои действия и видела, что ты летишь напрямиком в ловушку. Ты всегда был безрассудным, но для того природа и создала меня – чтобы не дать тебе убиться.

Она прекрасно знала, что Ян разглядел ее в горящем доме. Задержать ее он не мог, потому что пострадал гораздо больше, чем Александра. Но она не сомневалась, что он ее не забудет. Ей нужно было рассказать ему правду и не мучить его.

Она дождалась, когда его выпишут из больницы. Почти сразу после этого он направился к Нине, и Александра поняла, что идеальный момент настал. Она могла поддержать близнеца и раскрыть правду всей семье.

По крайней мере, необходимую правду, самую основу. Там, в кабинете Нины, Александра рассказала большую часть своей истории, но не все. Остальное она упоминала, уже когда жила в квартире Яна, урывками, по чуть-чуть – потому что иначе не могла.

Он все равно понимал ее и принимал – с того дня, как убедился, что она жива. С Ниной и Павлом все было сложнее. Они часто звонили, но только Яну и у него узнавали, как там Александра. У них пока не хватало смелости и сил признать, что она действительно вернулась. Павел даже потребовал провести тест ДНК – несмотря на всю очевидность ситуации. Ян оскорбился, Александра мгновенно согласилась, и тест был проведен лабораторией, которую выбрал Павел, чтобы его точно не обманули.

Результат теста удивил разве что Павла. Все остальные давно уже знали правду.

Александра не торопила их, давала им время. Их поведение задевало ее, но не слишком сильно. Они никогда не были близки, и пока все другие чувства для нее перекрывала радость от того, что они с Яном снова вместе.

Им повезло: у них было несколько недель, которые они провели вдвоем. Яну полагался солидный больничный, который он дополнил оставшимся отпуском. Все эти дни близнецы не так уж много говорили о прошлом – и то чаще Ян, чем Александра. В остальное время они делали то, что на четырнадцать лет оказалось поставленным на паузу. Они смотрели фильмы, гуляли по городу, читали книги. Они просто жили и наслаждались тем единством мышления, по которому так скучали, им повезло, что им дали время на адаптацию.

Но это не могло длиться вечно, и к концу октября Ян вернулся на работу. Он заслуженно считался одним из лучших следователей, поэтому никто не позволил бы ему сидеть в кабинете и тонуть в незаполненных документах. В первый же день после возвращения его поставили перед фактом:

– Эйлер, в парке нашли тело. Убийство плюс, похоже, похищен ребенок. Разбираться будешь ты.

И он направился в парк.

К моменту, когда он прибыл, дальняя дорожка, на которой нашли тело, была оцеплена полицией. Если бы убийство произошло в городе, толпа зевак у ограждения уже собралась бы, но в парке аудиторией на такие развлечения не нашлось. Здесь гуляли в основном мамы и

няньки с детьми, они как раз поспешили уйти. Собачники тоже беспокоились, что их питомцы неправильно среагируют на труп, и не задерживались. Глазели только школьники постарше и несколько велосипедистов.

Дальше, за ограждением, работали эксперты, а прибывшие медики пытались привести в себя свидетелей. Больше всего хлопот им доставляла невысокая полная женщина: она рыдала так, что не могла произнести ни слова, и все рвалась к мертвому телу. Ее удерживали врачи и мужчина примерно одного с ней возраста – возможно, муж. Он не плакал, но выглядел потерянным и едва ли понимающим, где находится.

Чуть в стороне от них, позабытая всеми, дрожала от холода молодая девушка, испуганно жмущаяся к велосипеду. Судя по грязи на одежде, она недавно упала, но грязь успела засохнуть и превратиться в покрытую трещинами корку.

Первым делом Ян направился к девушке. Он сначала снял куртку и накинул ей на плечи, а потом только задал вопрос:

– Как вас зовут и какое отношение вы ко всему этому имеете? Ян Эйлер, следователь.

Она вздрогнула и посмотрела на него с нескрываемым испугом – но она сейчас боялась всего на свете. Ее шок, тихий и незаметный, был куда сильнее, чем у рыдающей женщины.

– Инга Зайцева, – представилась она. – Я... я вроде как нашла ее. Полицейские, когда приехали, сказали мне оставаться здесь, но ни о чем толком не спросили... Я не знаю, зачем...

«Потому что перестраховывались, – подумал Ян. – Сами обгадились от испуга и на всякий случай задержали всех, кого могли».

– Расскажите мне, как вы обнаружили тело, – попросил он.

– Боюсь, я не так уж много могу рассказать... Я каталась в парке, я это часто делаю в свои выходные. Решила отъехать подальше, в этой части парка всегда очень тихо. Поворачиваю и вижу ее... Я так испугалась, что рухнула с велосипеда. Стала кричать, подбежали люди, вызвали полицию, и с тех пор я тут.

Ее рассказ пока подтверждался. Ян видел, как изгибается дорожка. Если Инга на своем велосипеде ехала со стороны кустов шиповника, она вполне могла не видеть тело до последнего. Так что выходной у нее выдался тот еще!

– Вы что-нибудь слышали, подъезжая сюда? – спросил Ян. – Крики, голоса, шум борьбы.

– Нет, ничего такого... Если бы я что-то услышала, я бы сюда не поехала! Стыдно признаться, но я трусиха...

– И вы никого не видели рядом с телом?

– Нет, никого... Но я не оглядывалась по сторонам, просто смотрела...

– Инга, не переживайте так, – мягко улыбнулся ей Ян. Он прекрасно знал, как влияет на женщин, и умел их успокаивать. Не ошибся он и на этот раз: Инга наконец перестала трястись, плотнее закутавшись в куртку. – Нет никаких *правильных* ответов, которые вы обязаны дать. Просто говорите, как было, и все. То, что вам пришлось все это увидеть, – печально, но так иногда бывает.

– Я и правда никого не видела и не слышала...

– Я вам верю. Попробуйте вспомнить: когда вы ехали сюда, никто не шел и не ехал вам навстречу?

Инга на пару секунд задумалась, потом покачала головой.

– Нет. Поблизости никого не было. До этого я обогнала семью с двумя детьми, но они ехали в том же направлении, а сюда так и не попали, значит, свернули на велодорожку. Я ведь и выбрала этот маршрут потому, что тут обычно пусто!

– Обычно так и есть. Вы не могли догадаться, что что-то пойдет не так. Вы знали погибшую?

– Нет, никогда ее раньше не видела... Говорят, она – нянечка...

– Не важно, что говорят, мне интересен только ваш опыт.

– Тогда мне нечего вам сказать, – вздохнула Инга. – Но это ничего не значит. Выходные у меня редко, и я не всегда провожу их в парке. То, что я ее раньше не видела, не значит, что она не бывала здесь.

– С этим мы разберемся.

Ян записал контактные данные свидетельницы и отправил ее домой. Инга была поражена таким подходом: ей казалось, что она застряла тут на весь день, раз ее вынудили столько стоять в стороне! Но Ян видел, что она и правда ничего не знает, она замерзла и намучалась, нет смысла и дальше над ней издеваться. Поэтому он позволил ей уйти, надеясь, что она не нарвется на журналистов, а сам направился к экспертам. Пару, с которой работали медики, он пока не трогал, он видел, что врачам только-только удалось успокоить женщину, но она в любой момент могла сорваться на новые рыдания. Оперативники, успевшие тут покрутиться, знали куда больше.

Оказалось, что погибшая работала нянкой. В одиннадцать часов утра она отправилась на прогулку в парк вместе со своей подопечной – маленькой Тоней. Она часто так делала, если погода позволяла, в этом не было ничего необычного. Примерно в двенадцать пятнадцать тело нашла Инга Зайцева. Девочки рядом уже не было, ее начали искать, вот только Ян сильно сомневался, что найдут... живую. Он надеялся, что не найдут вообще, ведь тогда это будет похищение, при котором ребенка еще можно спасти. Если же цель преступника была другой, то скоро девочку обнаружат... Точнее, то, что от нее осталось.

Но об этом лучше не думать. До тех пор, пока не найдено тело, Тоня считается живой.

Молодая пара возле медиков оказалась родителями девочки. Мать отправилась в парк искать няню, когда та не вернулась вовремя и перестала отвечать на телефонные звонки. Она обнаружила полицейское оцепление, увидела издалека знакомое пальто, поняла, что к чему, и вызвала мужа. Только потом у нее началась истерика, так что ее выдержкой даже можно было гордиться.

Родители прибыли на место слишком поздно, они и не могли ничего видеть. Других свидетелей не было. Кто-то среди бела дня убил женщину, забрал ребенка – и спокойно ушел!

Такая наглость поражала, и означать она могла что угодно. Убийца хорошо подготовился, или ему везет, или он псих... Хуже всего, если псих, ведь у него в руках маленький ребенок.

– Сколько лет девочке? – уточнил Ян.

– Три года.

Это ничего не меняло, просто заставляло понять, насколько тяжело придется малышке. Расследование убийства – дело непростое, но отсчет времени идет не так быстро и ставки не так высоки. А похищенный ребенок – это совсем другая история.

Ян подозревал, что многое сводится к родителям. Няню просто убили, похищение наверняка было главным мотивом этого преступления. Так что с родителями нужно будет поговорить немедленно, как только они окончательно придут в себя. Ян решил дать им на это еще минут десять, а сам направился к экспертам.

Рядом крутился фотограф, но Ян не обращал на него внимания. Куда больше его интересовала сухая, средних лет женщина, осматривавшая погибшую – судмедэксперт Наталья Соренко. Соренко – это хорошо, она толковая и с ней можно договориться.

– Что тут у нас? – поинтересовался Ян.

Соренко не посмотрела на него, но ответила.

– Множественные колото-резаные. Хаос.

– Что значит – хаос?

– Это значит, что подошли и затыкали. Били куда попало, в основном в центр туловища, быстро и сильно. Больше я тебе скажу, если ты не будешь мешать мне работать, я ее только перевернула.

– Как ее зовут... звали?

– Понятия не имею, – пожала плечами Соренко. – Мне без надобности, ты – следователь, ты и узнавай.

Погибшая лежала на земле между ними. Выражение, застывшее на ее лице, казалось растерянным, словно ее оскорбляла та бесцеремонность, с которой теперь относились к ее останкам. Как будто она потеряла всякое значение, когда перестала быть живой!

На вид ей было лет шестьдесят, она, похоже, была здоровой и крепкой, следила за собой. Волосы длинные, светлые и сильно тронутые сединой, но очень густые, и ей шла эта седина. Скорее всего, они были собраны в прическу, вряд ли она позволила бы себе явиться на работу растрепанной, ей просто не отдали бы ребенка. Но когда она упала, волосы рассыпались, пропитались грязью и кровью.

У женщины было миловидное лицо с мягкими чертами. Лицо ласковой нянечки, доброй бабушки, рассказывающей сказки, а не холодной стервы. Косметикой она пользовалась сдержанно, вряд ли она хотела привлекать к себе внимание. Это плохо сочеталось с ее разноцветным пальто, однако Ян не видел тут ничего странного. Она шла на прогулку с маленькой девочкой, возможно, она намеренно одевалась ярко, чтобы порадовать малышку. Пальто было из хорошей шерсти, вряд ли дешевое. А вот сумка у нее плохонькая, туфли – тоже. Вероятно, пальто подарили. Она не была богата... Да она бы и не пошла на такую работу, если бы была богата.

О девочке не напоминало ничего, кроме маленького плюшевого кролика, которого отметили специальным белым значком, чтобы не забыть и не потерять.

Ян уже готов был направиться к родителям пропавшей малышки, когда его внимание привлекла какая-то суета у ленты ограждения. Сначала туда сбежались дежурные, потом подошли и оперативники, оживленно что-то обсуждая. Ян не мог остаться в стороне, он тоже приблизился к ленте, и при его появлении другие полицейские мигом замолкли.

Он понимал, почему. Они не могли не заметить, как сильно похожа на него женщина, стоящая по другую сторону ленты.

– Александра?.. – только и смог произнести он.

Ян пытался понять, каким ветром ее могло сюда принести, однако ничего не получалось. Она знала, что он идет на работу, но он не говорил, что ему дали задание или что он будет здесь!

Александра осталась серьезной, но она умела улыбаться взглядом – а он умел замечать это. Она протянула ему открытое удостоверение.

– Сандра Моррис, австралийская федеральная полиция.

– И что?

Может, это был не лучший вопрос, но Ян все еще слабо представлял, что происходит. Александра не обиделась, она убрала удостоверение и протянула ему документ – ксерокопию приказа, в который оказалось не так просто поверить.

– И то, Ян Михайлович, что нам с вами предстоит работать вместе.

Полицейские, окружавшие их, снова зашептались. Как дети малые, честное слово! Хотя их можно понять: не каждый день видишь, как следователь разговаривает с женской копией самого себя об австралийской полиции.

– Как такое возможно?

– Международная программа обмена опытом, – обыденно пояснила Александра. – С этого дня можете считать меня своим напарником. Младшим напарником, если гордость не позволяет иного. Рада знакомству, шеф!

Глава 2

Организовать все это было ой как непросто, и Александре пока самой не верилось, что у нее получилось. Если бы она была обычной полицейской, ее бы и слушать не стали. При первом же предложении подобного послали бы к тасманийскому дьяволу – и не чтобы быть сожранной, а для совсем иных целей.

Но ей здорово помогли связи Эрика. Многие влиятельные и уважаемые люди остались ему крупно должны. Они знали, что долг, возвращенный его вдове, будет равносильен уплате ему. К счастью, у них сохранилось достаточно чести, чтобы беспокоиться о такой уплате.

Эрик даже с того света умудрился ей помочь!

У австралийской полиции действительно были программы международного обучения, сотрудничества и обмена опытом, но ни одна из них не была связана с Россией. Чтобы добиться поставленной цели, ее шефу пришлось лично звонить в Москву и просить о назначении.

В Москве, выслушав все подробности, пошли навстречу, потому что... а почему бы и нет? Что они теряли? Ничего, только приобретали! Им доставалась опытная следовательница с великолепным послужным списком, которой еще и не нужно платить – это сделает Австралия. При этом следовательница не будет крутиться рядом с государственными секретами, она всего лишь поможет местному убийному отделу.

Вот поэтому Александра и сделала ставку на свое австралийское гражданство. Эрик называл Австралию «страной-плюшкой». Он, как всегда, был прав. Австралия крайне редко вмешивалась в крупные международные скандалы, про нее не каждый день упоминали в новостях других стран. Все знали, что она есть – ну, есть и есть, дальше-то что? Австралия была слишком далеко, и мирная жизнь на самом краю мира заставляла ее казаться безобидной и милой.

Это открывало такое количество дверей, какое многие и представить не могли.

Даже так, Александре было непросто получить нынешнее назначение, но она знала, что это необходимо. Для нее – потому что без работы она сошла бы с ума от скуки, дожидаясь возвращения Яна в пустой квартире. Она привыкла думать, решать задачи, принимать вызов. Она бы не выдержала жизнь, в которой главная миссия – выбрать, что приготовить на ужин. Для Яна же это было важно, потому что ему нужно было привыкнуть к вернувшейся сестре... и простить себя за то, в чем Александра не видела его вины.

Посмотреть вместе фильм – это здорово, спору нет. Но по-настоящему они оба, как гонимые, живут только в движении. И вот теперь, когда у них появилось общее дело, они снова были связаны тем взаимопониманием, которое Александра давно хотела почувствовать. Последующие допросы они проводили вместе, он представлял ее всем как свою напарницу – и больше никак, хотя их внешнее сходство наверняка вызывало немало вопросов.

Они быстро выяснили, что погибшую звали Юлия Курченко, недавно ей исполнился шестьдесят один год. Свой праздник она отметила в том числе и с Нефедовыми – нынешними нанимателями. Юлия работала постоянной няней, ее нанимали для маленьких деток до того, как они смогут пойти в детский сад. Юлия присматривала за ними, воспитывала, обучала. Все это время она не жила с семьей, однако приходила каждый день за исключением выходных и праздников. У нее были великолепные рекомендации, Нефедовым она очень понравилась, а главное, она быстро нашла общий язык с маленькой Тоней. Она работала в семье почти год, и никаких вопросов к ней не было. За свою работу она брала немало – но и не слишком много, было заметно, что немолодой одинокой женщине просто нравится возиться с ребенком.

Вот и в тот день она, скорее всего, пыталась защитить Тонечку до последнего. Вряд ли она успела разобраться, что к чему, смерть была быстрой, она получила не менее дюжины ран, четыре из которых были смертельными – и это только по предварительной оценке, все

остальное им предстояло узнать, когда эксперт закончит работу. Тело Юлии Курченко отвезли в морг, она уже ничего не могла рассказать.

Вся надежда была на родителей похищенной девочки – Андрея и Кристину Нефедовых. И вот они как раз оказались любопытной парой, причем любопытной не в положительном смысле.

Андрей работал программистом, его стараниями достаток семьи всегда был чуть выше среднего, его доходы позволяли оплачивать услуги няни. Кристина не работала нигде. Обычно в таких семьях няню вообще не нанимают. Но у Нефедовых все обстояло иначе: жена и мать семейства львиную долю своего времени уделяла судам, сеансам у психолога, встречам с подругами за чашкой чая и промокшим от слез платочкам.

Нефедовы проходили через бракоразводный процесс.

Когда Ян попытался выяснить причины, они оба оказались неразговорчивы. Супруги ограничились водянистой мутью вроде «Не сошлись характерами», которая на самом деле не значит ровным счетом ничего и используется, чтобы прикрыть проблемы, говорить о которых неприятно и стыдно. Александре отчаянно хотелось надавить на них, но она видела, что это опасно: Нефедова просто бухнется в обморок. Придется чуть выждать.

Они понятия не имели, кто мог похитить их дочь. Теперь им предстояло мучительное ожидание требований о выкупе, которые могут так и не поступить.

Близнецы провозились на месте преступления до вечера и домой возвращались уже в темноте. Добравшись до квартиры, они внутри не задержались и отправились гулять с Гайей – Александра не решила брать его с собой в первый же день, хотя в будущем он мог здорово помочь. Он прошел соответствующее обучение и уже работал с ней на местах преступления.

– Как ты относишься к тому, что я сделала? – наконец осмелилась спросить Александра.

– Я рад, – слабо улыбнулся Ян. – Сперва был ошарашен, не скрою.

– В какой-то момент я сделала тебе больно. Я этого не хотела и даже не ожидала.

Она уловила миг, когда он отвел взгляд там, в парке. Наивная попытка скрыть боль, Александра все равно все заметила, но истолковать не сумела. Ей собственное решение казалось правильным безо всяких «но».

Теперь же Ян пояснил:

– Я просто подумал о том, что все могло быть так с самого начала. Ты и я работали бы вместе... Если бы ты не уехала. Точнее, если бы отец не вынудил тебя уехать!

– Не думай об этом. Все равно уже ничего не изменишь.

Она знала, что случилось с отцом. Александра старалась говорить о нем как можно реже, она еще не решила, как поступить, есть ли смысл вообще видеть этого человека. Можно ведь притвориться, что он умер, как мать, которая так и не дождалась ее возвращения. Мать, которая ничего не знала и ни в чем не была виновата, не дождалась! Ирония у судьбы чаще всего получается злой.

– Давай поговорим о деле, – предложила Александра. – Я бы хотела осмотреть тело после того, как эксперт проведет вскрытие. Когда это можно устроить?

– Завтра и устроим. Не хочешь остаться с Нефедовыми и услышать требование о выкупе?

– А я не думаю, что будет требование о выкупе. Кто-то другой был бы удивлен, но не он.

– Да, я тоже, – кивнул Ян. – Но никак не пойму, почему, для выводов у нас маловато данных.

– Хватает! На похищение с целью выкупа обычно решаются люди, более-менее уверенные в своем хладнокровии. Им вообще не нужно было убивать няню, достаточно крепко дать ей по голове. А это даже не попытались сделать!

Она специально внимательно осмотрела голову погибшей, но не нашла там ни одной ссадины. Убийство выглядело скорее импульсивным и эмоциональным, чем вынужденным.

– Но тот, кто увел девочку, хорошо подготовился, раз остался незамеченным, – указал Ян.

– Возможно, тупое везение. Эта часть парка и правда безлюдна. Кто бы это ни сделал, профессионалом он мне не кажется. Но это не значит, что он действует по собственной инициативе, его все равно могли нанять. Выяснившиеся обстоятельства на это намекают.

– Развод, да, – подтвердил Ян.

Они пока не знали всех подробностей грядущего развода Нефедовых. Возможно, на право единоличного опекунства над Тоней претендовали оба родителя, но у одного шансов было гораздо больше. Второй, предчувствуя грядущее поражение, решил похитить ребенка. Однако Нефедовы – семья не самая богатая, да и далекая от криминального мира. Поэтому даже для такого серьезного дела вполне могли нанять какого-нибудь алкаша, который действовал совсем не так, как желал заказчик. Сказать об этом больше можно будет после повторного осмотра тела.

– Ищем, кому выгодно, – задумчиво произнесла Александра.

– Да, пока у нас три условных подозреваемых – точнее, три образа, и все пока безликие.

– Ну-ка, перечисли, посмотрим, совпали ли наши подозрения!

– Первый – тот, кто похитил девочку ради выкупа. Да, он повел себя, как дебил. Возможно, он дебил и есть. Но нельзя исключать эту возможность, сама же знаешь, иногда самый простой вариант и оказывается правильным. Второй – тот, кто похитил Тоню из-за самой Тони и грядущих перемен в ее семье. Это самый благоприятный вариант для нас, потому что тогда ребенку ничто не угрожает. Ну а третий вариант – мы ищем того, кому не важно, что она – Тоня Нефедова. Важно только, что это симпатичная маленькая девочка.

И третий вариант был худшим. Не только из-за того, что преступник сделал или собирался сделать, просто его сложнее всего поймать, он, убегая, сжигает все мосты. Человек, похитивший Тоню ради выкупа, свяжется с семьей сам. Похитивший в интересах одного из родителей будет связан с ними. Но псих, хаотичный, жестокий... Он может быть где угодно.

И Тоня сейчас одна с кем-то чужим... Александра понимала ее больше, чем кто бы то ни было. Она ведь тоже была когда-то похищенной девочкой! Да, ей было восемнадцать лет, и считалось, что она уже взрослая. Но, впервые столкнувшись с настоящими, а не сказочными чудовищами, она себя взрослой не чувствовала.

Она думала, что сильная, а оказалась слабой. Может, она и не могла рассказать Яну о том, что переломило ее жизнь навсегда, но сама-то она помнила!

... В фургоне она сопротивлялась долго, дольше, чем другие девушки. Но когда ее сильно ударили по лицу, она вынуждена была затихнуть. Александра не потеряла сознание, но у нее кружилась голова, а перед глазами плясали черные точки. Ей нужно было прийти в себя, в таком состоянии она лишь позабавила бы своих мучителей.

Они свое дело знали. Александре и остальным девушкам натянули на головы мешки и связали руки за спиной. Мешок отвратительно вонял мусором и засохшей рвотой. Темнота лишала возможности ориентироваться в пространстве. Воспринимать нормально звуки было невозможно из-за биения собственного сердца – отчаянного, быстрого.

Очень скоро она перестала чувствовать и время. Она понятия не имела, как долго их везут, где они вообще находятся. Ее похитили в незнакомой стране!

Александрю разрывали изнутри эмоции – разные, но сильные. Удивление – насколько просто, оказывается, похитить человека посреди улицы! Злость – она, такая умная, смелая, решительная, уже неплохо обученная, не смогла защитить себя и своих подруг. Страх – она знала, что молодых иммигранток не похищают ради выкупа.

Спустя целую вечность машина остановилась. Александра надеялась, что с нее снимут проклятый мешок, но нет, ее похитители были не настолько наивны. Ее повели куда-то вслепую, через плотную ткань пробился лишь легкий отблеск света. Она чувствовала себя животным, которое ведут на заклание. Страшно, очень страшно... Настолько, что отсут-

пают удивление и злость, и она чувствует себя самой обычной восемнадцатилетней девчонкой. Она осознает, что жизнь ее стоит не так уж много.

Когда с нее стащили мешок, она обнаружила, что находится в каком-то складском помещении с десятками испуганных, заплаканных девушек. Она знает только тех, с которыми ее похитили, остальных она прежде не видела. Все ее попытки заговорить с похитителями упираются в глухую стену молчания... Да и пытается она не слишком настойчиво. Половина лица, на которую пришелся удар, уже опухла и пульсирует болью. Она ждет вместе со всеми – и это кошмарное ожидание.

Александра так и не смогла понять, сколько их продержали в том складе. Ей показалось, что больше суток. Уже потом, став полицейской, она сообразила, что это был своего рода «отстойник». Туда привозили девушек, похищенных в разных штатах, и прикидывали, кого и куда направить дальше. Когда пришел ее черед, знакомые ей девушки остались на складе.

Больше она их никогда не видела. Это тоже было привычной политикой похитителей: разделять знакомых.

Ее снова посадили в закрытый фургон, но побольше – предназначенный для перевозки скота и слегка модернизированный. Мешок цеплять не стали, но заклеили скотчем рот. Теперь уже и плакать было нельзя – она рисковала задохнуться.

Это была самая длинная поездка в ее жизни, потому что время просто перестало существовать. Ее ждала неизвестность, а от нее уже ничего не зависело. Александра хотела стать полицейской, она достаточно знала о криминальном мире, чтобы догадаться, что ее ждет... что ее может ожидать. Но сознание упрямо цеплялось за мысль: так не бывает. Только не с ней. С другими бывает, а с ней – нет. В дороге что-нибудь случится, и она обязательно освободится!

Однако в дороге ничего не случилось. Рейс, которым перевозили ее, не стал особенным, он стал одним из многих для похитителей. Рутинная, давно отлаженная схема. Ничего личного. Водитель и охранники даже не смотрели на лица девушек, которых перевозили, они на таких нагледелись с лихвой.

Александра понятия не имела, сколько часов прошло с ее похищения, день сейчас или ночь. Она не узнала этого, даже когда фургон остановился. Пленниц выпустили наружу, и они оказались в закрытом подземном паркинге. Там они не задержались, им всем завязали глаза, связали одной цепью и повели куда-то по гулким коридорам.

В следующий раз Александра увидела свет в мрачном сыром зале. У одной стены располагались ржавые трубы и душевые кабины. У другой – старые скамейки, давно нуждавшиеся в покраске. Здесь с пленницами работали уже совсем другие люди – смуглые, подвижные, то и дело переходившие с английского на испанский. Испанского она тогда не знала.

Пленных девушек заставили раздеться и вымыться. Некоторые сопротивлялись, Александра – нет. Она прекрасно видела, что все выходы из душевого зала перекрыты. Любое сопротивление станет данью гордости, но никак не здравому смыслу. А сейчас это наивно, нужно поберечь силы! Она убеждала себя, что у нее получится сбежать, нужно только чуть-чуть подождать – и быть к этому готовой.

Одеться им не позволили: когда они вышли из душа, оказалось, что вся их одежда исчезла. Их выстроили в ряд голыми, мокрыми, дрожащими. Многие девушки плакали, некоторые прикрывались руками, сжимались, как будто это что-то могло изменить. Александра, в отличие от них, понимала, что происходящее здесь – это не просто унижение или желание осмотреть их.

У них отнимали уверенность, делая их особенно уязвимыми. Одежда – это больше, чем способ прикрыть наготу. Это барьер между телом и окружающим миром. Это доказательство, что ты – человек, а не животное, и у тебя есть право на отсутствие стыда. Теперь же их превратили в запуганное стадо, и их страх переплетался, увеличиваясь до колоссальных

размеров. В какой-то момент Александре показалось, что она дышит страхом, что он сырой и густой, как водная взвесь.

Она тоже не была спокойна – какое там! Но она старалась держать себя в руках. Она напоминала себе, что контроль важен, если она просто разрыдается тут, ее похитители победят. А так она им еще покажет!

Но как бы она ни храбрилась, на ее судьбу это не повлияло. Похитители были людьми опытными и грамотными. Александра видела, что они разглядывают тела с полнейшим равнодушием – как хозяйка на рынке выбирает мясо посвежее да поаппетитнее. К ним не относились ни как к живым существам, ни как к сексуальным объектам. Просто как к товару, который нужно продать подороже.

Она так и не поняла, по какому принципу их разделили, как оценили. Но это не было случайным: девушек долго изучали, прежде чем развести по четырем группам. Тех, кто задавал вопросы, били. Поэтому Александра не произнесла ни слова.

К ней вплотную подошла женщина из числа похитителей. Она сомневалась – и это было видно. Она смотрела на тело Александры и довольно кивала, потом переводила взгляд на синяк, уродовавший ее лицо, и хмурилась. Александра поняла, что в этот миг решается ее судьба, и сдержалась, не произнесла ни слова, не стала ни умолять, ни угрожать. Возможно, это и помогло ей. Ее направили в ту группу, где были самые молодые и красивые девушки, всего около десяти человек. Группы выводили из зала через разные двери.

Она надеялась, что теперь у нее будет шанс сбежать – или хотя бы отдохнуть. Как и все остальные, Александра не спала много часов, ее били, она замерзла, и ей по-прежнему не давали никакой одежды. Она не знала, сколько еще сможет это выносить.

Сначала ей показалось, что наступил долгожданный покой. Девушек провели на этаж; повыше и начали разделять, отправляя каждую из них в свою комнату. И это были не темницы – совсем наоборот. Комнатка, доставшаяся Александре, была тесной и лишенной окон, зато оформленной дорого, пусть и совершенно безвкусно. Ярко-красные обои на стенах, ковер того же цвета на полу, круглая кровать с кованным изголовьем и огромное зеркало на потолке. Пошло настолько, что в предназначении комнаты и сомневаться не приходится, но главное – чисто.

Александру затолкнули внутрь и заперли дверь. Она замерла в центре комнаты, испуганно осматриваясь по сторонам. Большие всего хотелось сорвать с кровати покрывало и прикрыть наготу, однако она пока не решалась ничего здесь трогать. Это не по-настоящему, с ней ничего не случится, она вот-вот проснется... Но где? Дома, в России? Пусть лучше так, пусть вся эта поездка окажется страшным сном! Она улетела за океан, чтобы поставить отца на место. Она и не думала, что дойдет до такого, никто на ее месте не предположил бы!..

Щелчок дверного замка заставил ее вздрогнуть и отскочить в сторону. Ей хотелось рвануть туда, на свободу, но Александра заставила себя сдержаться. Нужно сначала проверить, она уже чуть не погубила себя этим проклятым синяком... Да и потом, она была в куда худшей форме, чем когда все это началось. Пары алкоголя выветрились, но она устала, долгая поездка, необходимость постоянно стоять и холод отняли у нее больше сил, чем она предполагала. Александра была выносливой и тренированной, но она все равно оставалась молодой девушкой.

В комнату вошел всего один человек, и он отличался ото всех, кого Александра видела здесь раньше. Они, мужчины и женщины, были одеты в одинаковые серые костюмы, они были невозмутимы и безразличны ко всему. Этот был совсем другим, и она сразу поняла: он из хозяев. А может, единственный хозяин этого круга ада!

Ему было лет сорок пять – сорок семь, и выглядел он паршиво: одутловатый, рыхлый, словно слепленный из сырого теста. Он был чуть ниже Александры – но ведь и она была

высокой! Кожа у мужчины была смуглой, влажно блестящей – то ли от пота, то ли от масел. Черные волосы зачесаны назад и смазаны таким количеством геля, что они казались пластиковыми. Маленькие темные глаза скользят по телу Александры, заставляя особенно остро ощутить собственную наготу.

– Тебя зовут Алиша, – заявил он.

Он говорил по-английски понятно и уверенно, но в его словах угадывался знакомый Александры испанский акцент. Мужчина был одет в черные брюки и белую рубашку, на шее ярко блестела толстая золотая цепь, на пальцах – кольца. Три, одно просто золотое, два с камнями – рубином и бриллиантом.

– Что? – нахмурилась она.

– В твоей сумке нашли документы на имя Александры. Мне не нравится это имя, оно слишком длинное и бездарное. Если клиентам захочется как-то звать тебя, ты должна называть имя Алиша. Но это будет редко, в основном им плевать, как тебя зовут.

Я не понимаю...

– Не придуривайся, – прервал ее он. – Ты умна, это видно по глазам. Поэтому я и выбрал тебя, поэтому в твою первую ночь здесь я буду с тобой. Я знаю таких, как ты! Вы не ломаетесь дольше всего. Но в этом и кайф.

Он так и не сказал ей, как его звали. Позже, намного позже она узнала сама. Чутье ее не подвело – то самое чутье, в которое ее отец не верил, считая, что у женщин его просто не бывает. Темноглазого мужчину звали Хуан Сарагоса, но куда чаще он представлялся Джонни Сарагосой. В этом читалась не только попытка переименовать свое имя, данное ему мексиканскими родителями, на американский манер. Джон – это еще и условное обозначение безымянного клиента проститутки. Он не хочет, чтобы уличные девки знали его имя. Поэтому говорит, что его зовут Джон. Шлюха и ее Джон – эту фразу многие американцы поймут. Хуан Сарагоса считает свое прозвище бесконечно забавным.

Но тогда Александра всего этого не знала. Она видела перед собой отвратительное существо, сальное, извращенное, почему-то решившее, что оно имеет право обладать ею. Она не могла этого допустить.

Она рванулась к выходу, и Сарагоса, как ни странно, не попытался удержать ее. Он даже отступил в сторону, как истинный джентльмен, освобождая ей путь на свободу] Она не поняла, почему. Ей не пришлось долго гадать.

В коридоре ее уже ждали два рослых детины, одетые все в те же серые костюмы. Сарагоса мог бы удержать ее и сам, она так ослабла, что не сумела бы с ним справиться. Но он решил не марать руки. Александру перехватили два его ассистента, и все ее попытки вырваться напоминали отчаянные старания котенка, которого поймали и приготовились сожрать два бродячих пса.

Ее вернули в комнату и привязали к кровати. Руки – наручниками к изголовью, ноги – веревками к двум столбикам, которые Александра сначала не заметила. Все это время она кричала и извивалась, но этим лишь утомляла себя еще больше. Она никогда еще не чувствовала себя такой беспомощной. Ей отчаянно хотелось плакать, и сдерживалась она лишь потому, что знала: ее слезы доставят сальному ублюдку дополнительное удовольствие.

Когда она была надежно связана, ассистенты вышли, оставив ее наедине с Сарагосой. Он подошел ближе и с довольным видом осмотрел ее. Он и не сомневался в том, что перед ним – лишь удачное приобретение, вещь, которая принадлежит ему. Он никуда не торопился, он наслаждался этим моментом. Брюки из тонкой ткани не скрывали, насколько ему нравится видеть ее такой.

– Ты еще пожалеешь об этом, – процедила Александра сквозь сжатые зубы. – Мой отец – полицейский, и если ты меня не отпустишь, тебе же хуже!

Лишь произнеся это вслух, она осознала, насколько жалко звучит ее угроза. Но она не сдержалась, ей нужно было хоть как-то выпустить переполнявшее ее отчаяние. Сарагоса лишь рассмеялся.

– Детка, тем лучше! Сюда еще не пробирался ни один полицейский. Так что будь твой папочка хоть Капитаном Америкой, это не помогло бы ему тебя найти. Ну а то, что ты – дочь поганого копа, даже лучше. Тем приятнее будет тебя трахнуть, причем не только мне. Да я за это дополнительную плату брать буду!

Он закончил осмотр и начал ощупывать ее – все так же неторопливо. Ее лицо – потер в пальцах волосы, словно проверяя их мягкость, приподнял губы, чтобы осмотреть зубы. И во всем этом чувствовалась сноровка, он проходил это много раз с десятками других девушек.

Кто лежал до нее на этой кровати? Выжили ли они? Нет, об этом лучше не думать!

Сарагоса, похоже, остался доволен ее лицом. Он провел пальцами по шее и начал массировать груди, но в этом не было ни нежности, ни ласки. Он взвешивал их, обхватывал ладонью, то и дело глядя на ее лицо. Александра не хотела показывать ему, как сильно она унижена, но она не умела так идеально контролировать себя. Ее лицо уже было красным от стыда, на глазах застыли непролитые слезы. Но этого ему показалось мало, и он с силой ущипнул ее, заставив крикнуть.

– Что, уже не терпится? – поинтересовался он. – Подожди, девочка моя, не спеши так! Она не могла ответить. Она знала, что заплачет, если произнесет хоть слово.

Он погладил ее по плоскому животу, его короткие жирные пальцы изучили ее ноги – крепкие после долгих тренировок, длинные от природы. Наконец Сарагоса решил, что поиграл с жертвой достаточно, и Александра почувствовала, как его пальцы грубо и резко вошли в нее.

– Девочка моя, да ты хочешь этого больше, чем я! – хохотнул Сарагоса.

Это как раз было наглой ложью. Что бы он ни делал, Александра не находила в этом ничего приятного – даже на самом примитивном уровне. Сарагосе просто хотелось унижить ее еще больше, показать, что она сама во всем виновата. Но тут он просчитался: ее тело не тянулось к нему, и хотя это причиняло Александре боль, на душе становилось чуть-чуть легче – самую малость... Она не сдалась. Все, что происходит здесь, происходит против ее воли. Этот мешок дерьма никогда не заставит ее чувствовать себя виноватой!

– Ох, Алиша, что я вижу, – разочарованно протянул Сарагоса. – Ты была очень плохой девочкой! Кто он?

– Не твое собачье дело!

– Я надеялся, что ты будешь лучше!

Да уж, он бы торжествовал, если бы стал у нее первым! Но теперь Александра тихо радовалась, что досталась ему не девственницей. Подумать только, как быстро меняется перспектива! Еще недавно она была не слишком довольна своим первым опытом, она подозревала, что поторопилась. А сейчас она благодарила ту, прошлую, себя за то, что ее первая ночь с мужчиной прошла по доброй воле и на ее условиях.

Они с Русланом были знакомы много лет – жили по соседству. Он был другом обоих близнецов, и когда Александра начала встречаться с ним, Ян был только рад. Ему казалось, что это идеальное решение. Александра же не была уверена, что это любовь, но ей было хорошо с Русланом и он был красив, это тоже на многое повлияло.

Он готов был ждать. Он прекрасно знал, что встречается с дочерью полицейского, так что боялся даже намекнуть ей... Александре пришлось сделать это самой. И не просто намекнуть, а отправиться вместе с ним в пустую квартиру его родителей. Руслан, смешной такой, тогда все переспрашивал, готова ли она, уверена ли... А потом спрашивать прекратил.

Получилось у них средненько – не хорошо и не плохо. Ее любопытство было удовлетворено, это оказалось не так больно и страшно, как заверяли ее подруги. Но и особого удовольствия Александра не получила, все закончилось слишком быстро.

Они с Русланом продолжили встречаться, она не собиралась бросать его. Однако, когда возникла необходимость уехать в Америку, она покинула бойфренда без сожалений.

Теперь же она благодарила всех известных ей богов за то, что провела с Русланом ту ночь. Она уже видела, что не сможет уберечь свое тело от этой рыхлой свиньи. Но она отняла у него лишний повод для гордости!

– Очередная шлюха, – презрительно бросил Сарагоса. – Сколько тебе лет? Восемнадцать, девятнадцать? И сколько мужиков ты уже обслужила, по одному на каждый год жизни?

– Они хотя бы были людьми, в отличие от тебя, урод! Она ожидала, что он ударит ее, но он лишь рассмеялся.

– Люблю с характером! То, что ты уже не целка, и плохо, и хорошо. Жаль, что я не смог продать тебя как нетронутую – под это дело можно было и аукцион устроить. Но хорошо, что ты уже открыта кем-то. Теперь я лично смогу тебя попробовать первым, нет смысла тебя приберегать.

Он снял рубашку, обнажив круглый живот и поросишью волосами грудь. Александра почувствовала волну удушающе сладковатого запаха – парфюм, показавшийся ей больше женским, чем мужским. Сарагоса стянул брюки, демонстрируя, что белья он не носил – и определенно считал это достоинством. Главный предмет гордости ее насильника терялся под навесом живота.

Александра почувствовала волну тошноты, и слезы все же сорвались с глаз. Она не хотела этого, она просто не могла остановиться. Одно дело – готовиться к тому, что случится, другое – принять свою участь. Она дернулась всем телом, но это было скорее попыткой хоть как-то выразить протест. Она знала, что никуда уже не денется.

В кино главную героиню всегда спасают в последнюю минуту, и ей не приходится переживать жгучий, болезненный стыд. Но это было не кино, она стала не главной героиней, а лишь одной из многих девушек, которым отныне предстояло жить под чужим именем.

Кровать прогнулась под весом Сарагосы, неуклюже подползающего к ней. Он говорил что-то, но Александра не слушала, она попыталась отключиться, не чувствовать свое тело, забыть о том, где она и с кем. Что еще ей оставалось?

Но у нее не получилось даже это. Одно резкое движение его бедер – и ее пронзает острая боль, совсем не похожая на то, что было у нее с Русланом. Сарагоса использовал какой-то омерзительно воняющий гель. Это упростило задачу ему, но ничего не изменило для Александры. Ей казалось, что он достаёт глубоко, что разрывает ей живот, хотя Сарагоса вряд ли был на такое способен, даже если бы постарался. Александра едва знала собственное тело – как женщина, и даже ночь, проведенная с Русланом, дала ей лишь незначительную поблажку. То, через что она проходила сейчас, было пыткой.

– Смотри-ка, а может, я ошибся и ты все-таки хорошая девочка! – задыхаясь от быстрых движений, крикнул Сарагоса. – У тебя идет кровь!

«Анатомию выучи, кретин бездарный!» – зло подумала Александра. Но сказать это она не смогла. Голос просто не подчинялся ей, она была способна лишь на рыдания. Она чувствовала себя не просто растерзанной – оскверненной. Ее убивала мысль о том, что какая-то тварь имеет полную власть над ней, а она ничего не в силах изменить. Может, она в этом тоже виновата – тем, что позволила вот так поймать себя, что вообще приперлась в эту страну? Может, ее отец был прав и ее место – только при мужчине? Она не послушалась его, попыталась быть самостоятельной – и вот к чему это привело!

Сарагоса безмерно гордился собой. В каждом ее болезненном спазме он видел признак возбуждения, в каждом стоне боли – сладострастие. Всего, чего ему не хватало в умениш, он пытался компенсировать выносливостью. Но отвратительный любовник, который никак не угомонится, – это скорее проклятье, чем дар.

А она готова была сломаться – она оказалась на грани. Боль и сомнение в самой себе сводили Александру с ума. Она готова была унизиться, просить о пощаде, признать себя Алишей – что угодно, лишь бы это прекратилось!

Но тихий голос в ее сознании шептал, что так она сделает только хуже. За слова, произнесенные в отчаянии, придется потом отвечать в здравом уме. Каким бы придурком ни казался ей Сарагоса, нельзя этому верить. Он не смог бы управлять борделем, если бы и правда не отличался умом. Он хочет сломать ее – как ломал уже, вероятно, не одну девушку. Он будет воздействовать на нее болью и унижением, сомнением и оскорблениями.

Ты сама виновата. Ты хотела быть здесь. Хороших девушек не похищают посреди улицы. Хорошие девушки невинны. Все это дает ему право обладать ею.

Он хотел сломать ее, как остальных, но Александра вдруг почувствовала, что он не сможет. У нее было преимущество, о котором Сарагоса даже не подозревал.

Ее нельзя сломать, потому что она изначально не цельный человек. Она – одна вторая. Ее половина сейчас находится далеко-далеко за океаном, там, где Сарагоса не властен. И Александра могла убедить себя, что она способна выжить, пока у нее есть половина сил, половина энергии, половина воспоминаний. Сейчас она попала в беду, и ей придется многое выдержать. Но она никогда не будет полностью принадлежать ему, потому что ее душа хранится в другом теле!

Она знала, что это ничего не меняет на самом деле. Это был лишь психологический трюк, который ее истерзанное сознание использовало, чтобы спастись. Но он ведь работал! Она мысленно представляла себя половиной единого целого, и это позволяло ей хоть немного отстраниться от кошмара, в который она оказалась втянута.

Сарагоса мог причинить ей боль. Он мог ее травмировать, пустить ей кровь, оставить синяки на ее нежной коже. Но у него ни разу не получилось заставить ее говорить то, что он хотел услышать, и он не пробудил в ее теле ни единой искры наслаждения. Александра в нем не ошиблась. Он и правда был достаточно умен, чтобы понять: он не сломил ее. Не по-настоящему.

Наконец он наигрался с ней, и к боли в ее израненном теле добавилось жжение. Но Александра позволила себе не отводить взгляд, когда Сарагоса уставился на нее. Ей нечего было стыдиться. В ее душе сквозь завесу страха и боли постепенно пробивалась, давая первые ростки, спасительная злость.

Злость – это не всегда плохо. Она разрушительна, когда отравляет мирную жизнь. Но когда все оборачивается против тебя, злость дает силы и остроту мышления. Александра сосредоточилась на ней, а не на бедственности своего положения. Она смотрела на Сарагосу и думала только об одном.

«Когда-нибудь я тебя убью. Убью, убью, и я буду последней, кого ты увидишь!»

Она знала, как ничтожны ее шансы когда-либо добиться этого. Но сама мысль о том, что она отомстит, сейчас служила спасительным бальзамом.

– Гордишься собой? – спросил Сарагоса. Он был раздражен, однако далек от истинного гнева. Напрасно. Не ты первая, не ты последняя. Знаешь тайну?

– Знаю.

Этим она застала его врасплох – Сарагоса ожидал от нее другого ответа.

– Какую же? – опешил он.

– Однажды я выясню, какова твоя кровь на вкус, – пообещала Александра.

Она все еще была связана, а он оставался хозяином положения. И все же Александра увидела, что впервые сумела задеть его. Пусть на долю секунды, но он почувствовал мороз по коже.

А потом он отвесил ей такую пощечину, что голова Александры беспомощно откинулась на подушку.

– Не нарывайся, Алиша! Будет жаль потерять тебя раньше срока. Уж не знаю, что ты там себе нафантазировала, но истинная тайна состоит в другом. Ты не первая женщина, которая корчит из себя гордую воительницу. И последней ты тоже вряд ли будешь. Я уже объезжал таких диких лошадок! Вот что я тебе скажу... Вы ломаетесь дольше, чем простые дырки, быстро признающие свое предназначение. Но уж если вы ломаетесь, вы разлетаетесь в клочья. И я тебе это устрою!

Не дожидаясь ее ответа, он натянул штаны, перекинул через локоть рубашку и вышел. Александре все равно нечего было сказать ему. Она чувствовала себя маленькой, раздавленной, израненной изнутри – как будто он что-то безнадежно сломал, и оно никогда уже не срастется.

Но даже так, даже в момент унижения, когда будущее давило на нее стотонным прессом, она не забывала, что она – никакая не Алиша. Она Александра Эйлер – и она обязана вернуться домой...

– У тебя все в порядке? – голос Яна ворвался в черный мир ее иллюзий, освобождая Александру из плена, в который она невольно себя загнала. – Ты стала такой тихой...

Они все еще гуляли по вечернему городу, залитому золотым светом. Прекрасному холодному городу, так не похожему на душную комнату из ее кошмара! Рядом с ней шел человек, который, сам того не зная, спасал ее от безумия там, где другие ломались, как хрусталь. Впереди, метрах в пяти от них, бежал пес, рядом с которым она не боялась даже смерти.

Она была дома, на своем месте, но уже совсем другой.

– Так ты в порядке? – повторил Ян, внимательно присматриваясь к ней.

Ей хотелось сказать «да», а лучше ничего не говорить, просто кивнуть. Обмануть его. Ян поймет, что это ложь, но ложь во спасение. Он не будет настаивать, потому что посчитает, что у него нет на это права. Между ними снова воцарится молчание – такое удобное обезболивающее для уродливого прошлого.

Но обезболивающее – это не лекарство. Оно не будет спасать вечно.

– Я давно уже не в порядке.

– Я знаю, – кивнул Ян. – И я многое бы отдал, чтобы помочь тебе, но я не представляю, как.

– Это несложно, на самом-то деле.

Гайя, почувствовав перемену в ее настроении, отвлекся от кустов сирени и подошел к хозяйке... Нет, к хозяевам. Его присутствие придало Александре нужную уверенность, напомнило, что кому-то в этой жизни она должна доверять – и сейчас рядом с ней, пожалуй, два единственных в мире живых существа, которые заслуживают ее доверия.

– Просто слушай меня, – тихо попросила она. – Слушай и не задавай вопросов. Запомни, но не обсуждай это потом со мной, потому что это больно. Я расскажу тебе ровно столько, сколько смогу...

– Хорошо. Ты знаешь, почему мне важно знать.

– Знаю... Я хочу рассказать тебе о человеке по имени Хуан Сарагоса.

Глава 3

Каждый человек по-своему справляется с худшими воспоминаниями. Кто-то строит в памяти настоящую цитадель и запирает их подальше, чтобы изредка навещать – когда возникнет необходимость. Кто-то просто отворачивается от них, хотя они постоянно кружат рядом, путаются под ногами, как стая голодных крыс, и могут в любой момент наброситься. А кто-то обладает замечательной возможностью по-настоящему забывать. Это не игра и не притворство, такие люди действительно ничего не помнят, их память, как лучший из реставраторов, перекрашивает картины, сохранившиеся в мозгу, в совсем иные цвета. И начинается удивленная песня: «Кто украл, я? Я изнасиловал, я приставал? Да никогда такого не было!»

В прошлом Ян уделял не слишком много времени борьбе с плохими воспоминаниями. Он не стремился убежать от них, считая вполне заслуженным наказанием. Поэтому его личный склад памяти напоминал не столько цитадель, сколько полки, задернутые тканевыми шторами. Никакой надежной защиты, никаких замков. Вырвутся? Да пусть вырываются, хуже уже не будет!

Возвращение Александры изменило правила игры. Теперь он должен быть сильным рядом с ней, а это невозможно, если ему не дает покоя собственная память. В то же время, воспоминания нужны – именно с их карающей болью. Ян не стал бы ничего забывать, даже если бы у него была такая возможность. Поэтому хранилищем его темной памяти была бездонная яма, закрытая железной решеткой. В яме жили чудовища, тянувшиеся к потерянной свободе. Иногда Ян приходил к ним и выпускал – но только для того, чтобы снова убить и швырнуть в яму.

Одним из таких чудовищ был Хуан «Джонни» Сарагоса. Ян не знал его и понимал, что уже никогда не узнает. У него был только образ, сотканный из слов его сестры. Тем не менее, этого человека он ненавидел куда сильнее, чем тех, кто причинил зло лично Яну. Если бы им довелось встретиться в реальной жизни, Сарагосе оставалось бы только посочувствовать. При иных обстоятельствах Ян помнил про долг полицейского и избегал самосуда. Но здесь – особая история, это личное, и пощады бы не было.

Это были мучительные знания, оставлявшие бессильную ярость. Однако Ян был благодарен сестре за то, что она все ему рассказала. Даже такая правда, извращенная и страшная, была легче, чем неизвестность. Узнавая, что происходило с Александрой, он словно проходил этот путь вместе с ней – как и должен был! Все это дарило Яну робкую надежду, что когда-нибудь он сможет простить себя. Ну а Александра искренне считала, что он ни в чем не виноват и прощать его не нужно.

Он делал все, чтобы эти мысли и воспоминания не вырывались на свободу просто так, когда им вздумается. Ян возвращался к ним сам, когда был к этому готов. Но в иное время ему нужна была полная ясность ума, поэтому его личные демоны оставались взаперти. Он ведь впервые вел расследование вместе с Александрой, он не мог все испортить!

Утром они направились в морг, как и собирались. Наталья Соренко встречала их у парковки, задумчиво разглядывая через лобовое стекло. Впрочем, нет, слово «встречала» придало бы образу Натальи черты радушной хозяйки, обманывая всех. На самом деле, она просто вышла на улицу покурить и теперь со скучающим видом наблюдала, как Ян паркует машину.

- Она хороший профи? – уточнила Александра, прежде чем покинуть автомобиль.
- Да. Человек со странностями, а профи отличнейший.
- Типичное сочетание в любой стране мира, между прочим.

Наталья Соренко не знала всю правду об Александре. Для нее, как и для других сотрудников полиции, она была Сандрой Моррис. Те, кто никогда ее не видел, вообще не догадыва-

лись, что есть какой-то подвох, они считали, что в отделение действительно случайно направили австралийскую полицейскую, и бурно обсуждали это.

У тех, кто видел ее рядом с Яном, сразу появлялись предсказуемые вопросы, которые они не решались задать. Для Соренко все было куда интереснее: она, опытный судмедэксперт, наверняка еще на месте преступления уловила черты, указывающие на несомненное родство. При этом она знала, что у Яна официально есть лишь одна сестра – Нина Эйлер, на которую Александра была похожа, но не слишком. И никакие сведения о Сандре Моррис, почерпнутые из документов, не могли подсказать, что происходит.

Вот и теперь Соренко смотрела на них не как на обычных полицейских, пришедших к ней за ответами. Когда они приблизились к ней, она, бесцеремонно опустив приветствие, сразу объявила:

– Близнецы.

– Да, – невозмутимо кивнула Александра. – Но лучше не распространяться об этом.

– Я посмотрела в наших архивах, что пишут про близнеца Яна...

– Вот поэтому лучше не распространяться.

Александра умела произвести впечатление, это Ян уже заметил. Вроде как она не говорила и не делала ничего необычного, и все же многие собеседники мгновенно робели перед ней. Наталья Соренко не оробела, она и сама скромностью не отличалась. Но, почувствовав характер, она уважительно кивнула.

– Да я и не болтаю... Не с кем, мои подопечные не из болтливых!

– В этом мы сейчас убедимся. Как дела у Юлии Курченко?

– Паршиво: она на столе в морге! Но основная работа с ней закончена.

Она не до конца докурила сигарету, однако сразу же затушила ее о пепельницу и повела близнецов в чистый служебный коридор. Такого тоже обычно не было, любая попытка ее поторопить нарывалась на хриплое: «Погоди, я курю!»

Утром в морге было пусто, к такому Ян привык. В главном зале, где ожидало их тело, вообще никого не было, но это к лучшему. Им сейчас не нужны лишние свидетели.

На железном столе морга Юлия Курченко выглядела не так, как в парке. Исчезло вызывающе яркое пальто, лицо больше не закрывали волосы, на нее лился холодный белый свет, и она казалась куда старше своих лет. Ян видел ее фотографии, оставшиеся у Нефедовых. Юлия Степановна умела красиво улыбаться, это сразу позволяло ей скинуть лет пятнадцать. Улыбка стирала с ее лица морщины, заставляла глаза блестеть заметней, обнажала ровные белые зубы – и вот уже никто не может назвать эту женщину старушкой, какое там! Но улыбки больше нет, как нет и Юлии Степановны. Теперь перед ними *тело* – один из видов вещественных доказательств.

Александра огляделась, словно осваиваясь здесь. Увидев на столике у двери коробку с одноразовыми перчатками, она взяла себе пару. Ян не представлял, зачем, да и не спрашивал. Он подошел к столу, разглядывая алые пятна на обнаженном теле женщины.

– Много, – оценил он.

– Четырнадцать, – уточнила Соренко. – В живот и в грудь, как видишь, все ранения сосредоточены в одном участке. Похоже на круг диаметром около тридцати сантиметров, плюс-минус десять по разным сторонам.

– Все ножевые, одно орудие убийства?

– Они не ножевые, – поправила Александра, остановившись рядом с ним. Ян заметил, что она уже натянула перчатки.

– Да ладно! А какие тогда?

– Не знаю. Но вижу, что не ножевые.

Соренко покосилась на нее с возросшим уважением.

– А товарищ австралийский коп дело говорит! Кстати, говорит на великолепном русском, аплодирую.

Александра чуть наклонила голову, словно артист, благосклонно принимающий аплодисменты. Несложно было догадаться, что эти двое поладили.

– Я тоже сначала приняла ранения за ножевые, – продолжила Соренко. – Но дело было в парке, на ней было сто слоев одежды, раны забились кровью и грязью – короче, не разобрать ничего! Это в мое оправдание. Уже тут, когда тело отмыли, я заметила подвох.

Пока она говорила, Ян внимательно рассматривал следы на теле няньки. А ведь подвох и правда есть! Только один край раны указывает на острое лезвие. Второй – скорее рваный, слишком широкий для ножа. При этом по расположению раны выглядят как ножевые, все они одиночные. Пока Яну было сложно представить, каким орудием они были нанесены.

– Короче, стало понятно, что придется повозиться, – вздохнула Соренко. – Полночи возилась, кто б мне это оплатил! И ночевала потом здесь, смысл уже домой пилить?

– В морге? – удивился Ян.

– Ну а что? Не на столе же! На столе жестко. Вон там комната отдыха есть.

– Но хоть не зря страдала?

– Не зря. Мастерство не прокуришь! Сначала я, понятное дело, прошлась по ножам, хотя и видно, что это не нож. Канцелярский нож, ножовка – все не в тему. А потом меня осенило.

Она направилась к письменному столу – совсем маленькому и, похоже, принадлежащему не лично ей, а всем экспертам, работающим здесь. Столешница давным-давно скрылась под снежным слоем бумаг; некоторые, судя по датам, были утеряны тут еще в две тысячи пятнадцатом году и вряд ли сохранили хоть какую-то ценность. Однако Наталью интересовала не эта макулатура, а ножницы, лежащие поверх нее. Большие портняжные ножницы с зелеными ручками, только что купленные – упаковка и чек валялись рядом. При этом ножницы уже были сломаны: их аккуратно развинтили, превратив в две половинки.

В две похожие на ножи половинки.

– Успела крутануться как раз перед вашим приездом, – гордо сообщила Соренко. – Знаете, что меня крупно так сбило с толку? То, что ножницы не были целыми. Использование именно таких ножниц при нападении – не редкость. Да что там, они на это вдохновляют! Я за свою практику насмотрелась: чаще всего ими перещелкивают горло, но бывает, что и бьют – в основном туда, где мягко...

– По делу, Наташ, – поторопил Ян.

– Не любознательный ты!

– Каюсь, грешен. И все же по делу.

– Так вот, тут меня запутало то, что этот стервец раскрутил ножницы, и раны получились не совсем такие, как обычно. Но я уже проверила, сомнений нет, орудие убийства выглядело примерно так. – Соренко раскрутила на пальце половинку ножниц, подцепив ее за круглую ручку. – Правда, у того портняжки ножницы побольше, чем у меня, и заточены лучше. Но в том, что он использовал именно их, я уверена.

И это был странный выбор. Если бы преступник бил целыми ножницами, убийство еще могло сойти за спонтанное эмоциональное. Возможно, была ссора, он дошел до точки кипения и начал бить жертву первым, что нашел у себя в сумке – или у нее в сумке! Юлия Степановна вполне походила на женщину, которая увлекается шитьем.

Но у него были с собой заранее развинченные ножницы. Зачем, кто их вообще будет с собой таскать? Это он так готовился к убийству – или им стоит вернуться к версии с сумасшедшим преступником?

– Использование ножниц – не единственная странность, – заметила Александра. – Раны расположены очень густо и под странным углом.

– Да, – подтвердила Соренко с таким видом, будто хвалила прилежную ученицу за правильный ответ. – Думаю, жертва была в захвате у убийцы и все происходило очень быстро. Она не сопротивлялась, возможно, до последнего не сообразила, что происходит.

– Была в захвате? – нахмурился Ян. – Это еще что должно означать? А вот Александра, похоже, все поняла.

– Давай покажу, – предложила она.

– Показывай.

Она оглядела стол и взяла с него небольшую пластиковую линейку, на которой почти стерлась разметка. Могла бы взять половинку ножниц, но не стала, и Ян догадывался, почему. Ей даже в шутку не хотелось показывать такое на собственном близнеце.

Она вывела Яна в центр зала, туда, где было посвободнее, и обняла. Потом Александра оставила неподвижной только одну руку – левой она продолжала обнимать его, удерживая за спину. А вот правую отвела назад, вроде как для удара, так, что ее локоть был почти параллелен полу. Она сделала вид, что бьет его, и Ян сразу же заметил, что лезвие, роль которого вполне успешно играла линейка, попадает как раз между грудью и животом. Если бы она действительно била его, и била часто, возможность для движения руки была бы не слишком велика, и все раны попадали бы примерно в один участок.

– Bravo, мисс Австралия! – усмехнулась Соренко. – Да, примерно так все и было. С той разницей, что убийца, возможно, не обнимал жертву, а просто удерживал ее, скажем, за плечо.

– Но никаких следов сопротивления?

– Никаких. Это лишь означает, что он напал неожиданно и быстро.

– Это означает еще и то, что жертва сначала позволила ему подойти близко, а потом уже он напал неожиданно и быстро.

Вот тут Александра была права – убийство оказалось более подозрительным, чем представлялось на первый взгляд. Судя по показаниям Нефедовых, Юлия Степановна была женщиной умной и осторожной. Она прогуливалась по парку не одна, а с ребенком, она понимала возложенную на нее ответственность. Кого бы она подпустила к себе в таких обстоятельствах? Уж точно не какого-нибудь подозрительного типа, откровенно смахивающего на психа!

Пытаясь представить эту ситуацию, Ян видел лишь два возможных варианта развития событий. В первом к ней подошел незнакомец, но совершенно безобидный на вид. Возможно, он был молод, покалечен, может, это была женщина. В любом случае, Юлия Степановна и мысли не допускала, что этот человек на нее нападет – пока не стало слишком поздно.

Во втором варианте она знала нападавшего. Она пошла с Тонечкой в парк и встретила там кого-то... Но кого? Отца девочки, мать? Кого-то из друзей семьи? Это более вероятно, ведь никто не слышал, как Тоню уводили из парка. Следовательно, девочка пошла с этим человеком без криков и без сопротивления. Или ее усыпили, или... нет, об этом лучше не думать.

Убийца Тоню не напугал. Поняла ли она вообще, что ее нянька мертва? В методе убийства, хаотичном на первый взгляд, на самом деле было преимущество. Прижимая жертву к себе, убийца мог скрыть от Тони, что он делает. Девочка не заметила кровь, ничего не разглядела, она только видела, как няня опускается на землю. Убийца сказал ей, что Юлия Степановна заснула – что-нибудь в таком роде. Это могло сработать!

Яну казалось, что они узнали все, что нужно. Он готов был уходить, Александра – нет, и вот теперь он понял, зачем она надела перчатки. Она вернулась к телу и осторожно приподняла губы погибшей, чтобы осмотреть зубы.

Соренко такого не любила. В своем морге она была царицей и владычицей морской, тут посторонним не позволялось даже чихнуть без ее разрешения. Поэтому Ян ожидал, что она сейчас накинется на Александру с упреками. Но нет, Наталья наблюдала со стороны и казалась почти расслабленной.

– Там виниры, – только и сказала она. – Это сразу видно. Хрена лысого в шестьдесят один год будут свои такие зубы!

– Да тут не в возрасте дело, – указала Александра. – Я еще на фотографиях заметила, что зубы у нее слишком совершенные, чтобы быть настоящими.

– Зубы нам тут никак не помогут. Нападавшего она не кусала и в челюсть не получала – вот и все, что я могу сказать!

– А я могу сказать еще и то, что это очень хорошие виниры.

– Ага, следила тетка за собой, – согласилась Соренко. – Но к убийству это не имеет никакого отношения.

Александра лишь неопределенно пожала плечами. Похоже, она и сама не знала, пригодятся ли ей хоть когда-нибудь эти сведения, но решила использовать момент. Вряд ли они вернутся в морг!

Покончив с осмотром зубов, она приподняла руку погибшей и критично ее осмотрела.

– Под ногтями тоже ничего нет, – указала Наталья. – И быть не может, на момент смерти она была в перчатках.

– Уже вижу. Спасибо.

– Обращайтесь!

Лишь изучив тело, разве что не обнюхав его, Александра согласилась покинуть морг. Когда они оба оказались на улице, Ян спросил:

– Зачем тебе это было нужно?

– Может, вообще не нужно, точно пока не скажу. Но Эрик говорил, что лучше получить больше знаний, чем меньше.

Эрик. Конечно. За этим именем пока не было толкового образа, Ян слишком мало о нем знал. Но он уже чувствовал: этого человека ему тоже придется помнить, хотя и не так, как Джонни Сарагосу.

Когда они вернулись в машину, Александра взяла с заднего сидения его планшет. Если бы так сделал кто-то другой, Ян был бы удивлен – и это еще мягко сказано! Но ей было можно, и Александра об этом знала.

Она только уточнила:

– У тебя ведь там есть фотографии и опись содержимого сумки Курченко?

– Есть. Это тоже для общего развития?

– Просто хочу составить представление о ней до того, как допрашивать других свидетелей. Они, конечно, будут о ней говорить. И я хочу сразу представлять, правду они говорят или нет. Потому что если они попытаются солгать, это кое-что расскажет о них.

– Мы можем подъехать в отделение и осмотреть вещи из ее сумки, тут недалеко.

– Да, так, может, и будет лучше.

Пока они ехали, Александра внимательно изучала опись содержимого сумки. Яну это было не нужно, он и так все помнил. Позже, намного позже, когда расследование будет завершено, эти знания испарятся сами собой. Но пока они нужны, они будут в его памяти во всех деталях.

Приехав в отделение, они сразу получили новую порцию настороженных и любопытных взглядов. Ян обычно не думал о том, как сильно они с сестрой похожи – зачем на этом сосредотачиваться? Но среди других людей он ощущал это особенно остро. Ситуацию не спасало даже то, что его лето, проведенное без отдыха, оставило бледным, а кожа Александры еще не рассталась с австралийским загаром. Разница в прическе, оттенок волос – все это мелочи, которые теряются на фоне одинаковых черт лица и редкого оттенка глаз.

Александра будто ничего не замечала – ни взглядов, ни шепота за спиной. Ян решил подыграть ей и тоже игнорировать тему. Они прошли в его кабинет, туда же скоро доставили вещи погибшей.

Сумка у нее была вместительной, и Юлия Курченко этим пользовалась. Она таскала с собой немало мелочей, которые указывали на интересы хозяйки, а потом в один миг стали ненужными.

Убийца не позарился на ее имущество: кошелек и мобильный телефон средней цены остались на месте. Телефон уже разрядился – слишком часто на него звонили, и большинство звонков поступило от матери пропавшей девочки еще утром. В кошельке лежали наличные, около четырех тысяч рублей, и две банковские карты. Одну, по словам Нефедовых, няньке выдали они, там лежали деньги, предназначенные для ухода за Тоней. Юлия Степановна могла свободно покупать ей еду, игрушки и развивающие книжки, но потом обязана была предоставлять родителям отчет о потраченном.

Вторая карточка оказалась кредитной, и она была куда любопытней. По этой карте Юлия Степановна могла тратить любые суммы, и ей даже не приходилось платить процент, если она пополняла карточку до конца месяца. Это был не типичный выбор для пенсионерки, и Яну было любопытно узнать, как она такой карточкой пользовалась. Пока он лишь выяснил, что сейчас на счету пусто – ни задолженности, ни положительного баланса. Но банк упрямылся, отказываясь предоставлять детализацию по платежам. Вряд ли их так уж волновала тайна личной жизни Юлии Курченко, скорее, они не хотели создавать неприятный прецедент, при котором другие клиенты увидели бы, с какой легкостью полиция получает информацию о них.

Кроме того, в сумке валялись две связки ключей – причем разных. На ключах были подвешены брелоки, никак не подсказывающие, что они открывают. По виду и набору можно было предположить, что это ключи от квартиры – а точнее, от разных квартир. Однако ни одни из них не открывали квартиру Нефедовых. Кристина Нефедова пояснила, что не давала няньке ключи, когда сама оставалась дома. Получается, две связки принадлежали Юлии Степановне, но пока не удалось установить, что они открывают.

Нашли в сумке и книгу. Можно было предположить, что, гуляя с маленькой девочкой, степенная нянюшка будет читать дамский роман или иронический детектив – не столько ради детектива, сколько ради упомянутого там рецепта борща. Но нет, Юлия Степановна читала «Психологию влияния» Роберта Чалдини. Если бы Яну пришлось угадывать ее литературные предпочтения, он бы точно проиграл. Она была великолепно образована и продолжила внимательно отбирать книги даже после выхода на пенсию. Такой человек, как она, никогда не стал бы обниматься с незнакомцем на парковой дорожке!

Остальные предметы в сумке показали Яну типичными женскими мелочами – крем для рук, салфетки, губная помада. Из странностей осталась только одна...

– У нее в сумке валялся еще пакетик с колбасой. Ну, знаешь, из этих – плотно запечатывающихся.

– Я помню, – кивнула Александра. – Колбаса, кажется, была «Докторская»?

– Ага, дешевая самая, порезана кольцами. Мы ее убрали, потому что она без холодильника сгниет на раз-два, да и в холодильнике долго не протянет. Кристина Нефедова божится, что она таких «ссобоек» ребенку в жизни не давала, ее дочь вообще не ела колбасу. Так что это из личных запасов жертвы.

– Знаешь, я слабо представляю ее одновременно читающей «Психологию влияния» и задумчиво жующей кусок «Докторской» колбасы. Ладно, этот момент пока пропустим, потом в нем разберемся. Что у нас из пропавшего?

Рядом с вещами Юлии Курченко сиротливо лежал грязный плюшевый заяц. Это единственная вещь похищенной девочки, сохранившаяся на месте преступления, поэтому игрушку предпочли не хранить отдельно, чтобы не потерять. Родителей уже допросили о пропажах, и теперь Ян все знал наверняка.

– Исчезла книжка сказок, которую мать передавала няньке. Не хватает баночки сока – но ее Тоня могла выпить до нападения. Нет шарфика, который Курченко захватила с собой на всякий случай.

– И что у нас получается? – задумалась Александра. – Этот тип все-таки обыскал сумку няньки, но не взял ни деньги, ни телефон? Ему нужно было только то, что имело отношение к девочке.

– Может, чтобы успокоить ее?

– Но при этом он заставил ее бросить любимую игрушку? Это ведь *любимая* игрушка, сразу видно! Нет, что-то у нас тут не сходится.

– Да тут ничего пока не сходится, – поморщился Ян. – Надо допрашивать родителей еще раз, все определенно тянется к ним.

– Да, скорее всего... Но, возможно, с этим придется подождать.

– Почему?

– Потому что кто-то вот-вот постучит в дверь.

Нельзя сказать, что Александра отличалась более острым слухом, зрением или обонянием, чем ее брат. Но за годы, которые оказались для нее самыми непростыми, она приобрела привычку контролировать все и сразу, Ян давно уже заметил это. Когда он разговаривал с ней, он был сосредоточен только на разговоре. Когда Александра разговаривала с ним, она слышала, что происходит в коридоре, обращала внимание на людей, проходивших мимо окна, и то и дело глубоко вдыхала воздух, словно оценивая перемешавшиеся в нем запахи.

Такую привычку обычно приобретают люди, которые могут умереть в любой момент.

Она не ошиблась и на этот раз – в дверь действительно постучали. Тихо и робко, а для полицейского участка это было непривычно. Коллеги Яна, если им было что-то нужно, обычно ограничивались одним ударом и, не дожидаясь ответа, вламывались в кабинет. Тот, кто пришел сейчас, терпеливо ждал позволения. Одного лишь этого Яну было достаточно, чтобы догадаться, кто захотел его навестить.

– Не заперто.

Его догадка подтвердилась: в кабинет заглянула Алиса Сагалова.

Они с Алисой не виделись с тех пор, как она навещала его в больнице, и это, конечно же, была его вина. Но иначе и быть не могло: он думал только о возвращении Александры, остальной мир будто исчез.

Алиса об этом не знала – по крайней мере, он ей не сообщал. Она просто тактично отошла в тень, предоставив ему самому решать, когда ей звонить и когда приходить. Но шли недели, он не появлялся, и она пришла сама.

Вроде как у него не было причин для угрызений совести. Их с Алисой отношения никогда не были постоянными, они ничего друг другу не обещали. И все же Ян почувствовал легкий укол стыда. Совсем недавно, когда ему казалось, что он сходит с ума из-за «призрака» Александры, именно Алиса заботилась о нем и поддерживала во всем. А когда ситуация прояснилась, он попросту вычеркнул ее из своей жизни! Ничего хорошего в этом не было.

Алиса не была душой – напротив, она была в числе умнейших молодых женщин, которых он знал, и это стало одной из причин, по которым Яна влекло к ней. Теперь ей хватило одного взгляда на Александру, чтобы понять, кто перед ней. Она видела ранние фотографии его сестры, могла соотнести одно с другим. Бесполезно было вешать ей на уши лапшу, приправленную рассказами про австралийского копа и программу обмена опытом. Она совершенно точно знала, на кого смотрит.

Александра тоже поняла это. Она окинула Алису оценивающим взглядом, коротким, но уловившим все: от роскошной фигуры, способной составить конкуренцию Мэрилин Монро, до стильного дорогого костюма, удачно подчеркивающего эту фигуру без лишней сексуально-

сти. Ян рассказывал сестре об Алисе, но фото не показывал. Теперь фото было и не нужно, описания хватило.

– Алиса, заходите, – приветливо кивнула ей Александра. – Но дверь закройте поплотнее. Мы и так стали местным генератором сплетен, не нужно это поощрять.

Алиса лишь кивнула, она, похоже, пока не решила, как нужно реагировать. При всем уме, ей в двадцать пять лет еще на многое не хватало опыта. Когда они с Александрой смотрели друг на друга, Александра была змеей, а Алиса – крольчонком, готовым сделать все, лишь бы спастись.

Это не значит, что она не понравилась Александре. Просто именно его сестра сейчас полностью контролировала ситуацию.

– Садитесь, – велела она, и Алиса подчинилась. – Давайте сведем к минимуму очевидные вопросы и ответы. Да, я – это она. Живая. Вернулась недавно. Он не сказал, потому что ему и самому тяжело было принять это. Я знаю, кто вы, Ян очень много о вас рассказывал, и я рада, что мы наконец познакомились.

Тут она несколько приукрасила: Ян рассказывал не *очень много*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.